

Дрожь и волнение... Сладкая истома...
Сиплящее тело... И бесконечное желание...
для тех, кто не боится красноты!

HARLEQUIN®

Меган Харт

NEW YORK TIMES & USA TODAY BESTSELLING AUTHOR

Exotic Romance

Толые

В этой книге герои переходят грани дозволенного,
они разрушают все мыслимые пределы, которые
только существуют в нашем воображении о любви,
сексе, верности и желании!

dearauthor.com

Меган Харт Голые

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3943495
Голые: Центрполиграф; Москва; 2012
ISBN 978-5-227-03791-6

Аннотация

Талантливый фотограф Оливия Мэки привыкла смотреть на мир через объектив камеры, увязая в противоречиях реальной жизни, которые, смешиваясь с творческими вымыслами, кажутся неразрешимыми. Она мечется между надоевшей работой и собственным бизнесом, между давно разошедшимися родителями и двумя религиями... Новый знакомый, чертовски обаятельный красавчик Алекс Кеннеди, по слухам, совершенно не интересуется девушками, да и Оливия, в прошлом пережившая горькое разочарование, не намерена снова обжигаться. Впрочем, отношения с Алексом могут сложиться, если осознать, что сохранить любовь подчас важнее, чем обрести себя...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	41
Глава 5	52
Глава 6	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Меган Харт

Голые

Эта книга не была бы написана без постоянной поддержки моих родных и друзей. Спасибо всем вам. Особая признательность The Bootsquad за ободрение и мотивацию продолжать работу, когда было бы гораздо легче играть в симуляторы. Также благодарю свою лучшую подругу навек Лори, которая продолжает убеждать меня не бросать писательскую деятельность, потому что ей хочется читать все новые и новые книги. И наконец, спасибо всем, кто спрашивал меня, будет ли отдельный роман об Алексе Кеннеди, – эта книга для всех вас.

Я могла бы писать, не слушая музыку во время работы, но я рада, что не должна этого делать. Вот неполный список того, что составляло мой плей-лист в период написания «Голых». Если вам понравятся эти песни, пожалуйста, поддержите артистов, приобретя альбомы с их музыкой.

Джастин Кинг, Reach You; Келли Кларксон, My Life Would Suck without You; Лорна Валлингс, Taste; Hinder, Better Than Me; Staind, Everything Changes; Сара Бареллис, Gravity; Том Уэйтс, Hope I Don't Fall in Love with You.

Глава 1

– Алексу не нравятся девушки, – будто предупреждая, сообщил Патрик.

Краешком глаза я продолжала рассматривать незнакомца, мысленно помещая его в кадр ежегодной вечеринки Патрика по случаю Рождества и Хануки. Алекс был прелестнее, чем букеты вдохновенных Мартой Стюарт¹ пуансеттий и сверкающие китайские фонарики, – впрочем, как и все присутствующие здесь мужчины. В друзьях у Патрика водились самые сногшибательные парни, которых я когда-либо видела. Seriously, это сборище напоминало съезд потрясающе сексуальных мужиков! После предостережения Патрика я снова взглянула на Алекса, уже более внимательно – главным образом для того, чтобы немного поддразнить хозяина вечеринки. Его было так легко вывести из состояния равновесия!

– Так это его имя?

Патрик тихо неодобрительно фыркнул:

– Да, это его имя.

– Алекс... как?

– Кеннеди, – отвечивал Патрик. – Но он не из...

– Поняла.

Я прижала губы к краю бокала, нагрев его. Густой, пряный аромат красного вина носился под моими ноздрями. Я могла бы посмаковать этот восхитительный вкус на кончике языка, но все же не сделала и глотка.

– Так ему не нравятся девушки, да?

Патрик скривил губы и скрестил руки на груди.

– Да. Господи, Оливия, прекрати пялиться на его задницу!

Я неодобрительно подняла бровь, передразнивая выражение лица Патрика. Это была моя старая привычка, я вечно копировала приятеля, зная, что это бесит его до чертиков. Похоже, и этим вечером мне удалось довести Патрика до нужной кондиции.

– Зачем еще ты приглашаешь меня на свои вечеринки, как не для того, чтобы пялиться на мужские задницы?

Патрик обиженно пыхтел, дулся и хмурился – правда, недолго, до того момента, как он, должно быть, вспомнил нечто, вызвавшее вокруг его рта напряженные складки. Потом друг не без усилий придал лицу безразличную гладкость, и его пристальный взгляд проследовал за моим через столовую и дверной проем. Алекс стоял спиной к нам, опершись одной рукой на каминную полку в гостиной. В другой руке он сжимал стакан «Гиннеса». Алекс держал пиво все то время, что я наблюдала за ним, но мне так и не удалось заметить, чтобы он сделал хотя бы глоток.

– И ты чувствуешь особую потребность указать мне на его ориентацию... почему? – Я пригубила вино и с подозрением уставилась на Патрика.

Тот пожал плечами:

– Просто хотел удостовериться, что ты знаешь об этом.

Я огляделась, заметив полдюжины мужчин, лихо справлявшихся с закусками и напитками без помощи хозяина, потом снова посмотрела через дверной проем в гостиную, где еще дюжина мужчин или болтала, или танцевала, или флиртвала. Девяносто девять процентов присутствующих были геями, а представители оставшегося процента подумывали о том, чтобы влиться в гомосексуальные ряды.

¹ Стюарт Марта – известная американская телеведущая и писательница, прославившаяся благодаря советам по домоводству и декорированию.

– Полагаю, я и без того знаю достаточно, чтобы даже не мечтать о возможности потрахаться на одной из твоих вечеринок, Патрик.

И прежде, чем я успела отпустить еще парочку язвительных комментариев, пара сильных мускулистых рук крепко обхватила меня сзади за талию, и чей-то упругий живот прижался к моей спине.

– Давай сбежим отсюда вместе и посмотрим, сколько времени пройдет прежде, чем он заметит, что мы удрали, – произнес низкий голос прямо мне в ухо.

Я вывернулась из объятий, не сумев удержаться от смеха, когда растительность на чьем-то лице пощекотала мочку моего уха, и обернулась.

– Патрик, а ты не сказал мне, что пригласил на свою вечеринку Билли Ди Уильямса²? О, погоди-ка... Билли Ди никогда не надел бы такой свитер! Здорово, Тедди!

– Эй, подруга, не смей потешаться над этим свитером! Мама Макдональд прислала мне сей выдающийся предмет одежды, и ее мальчик Патрик получил точно такой же. – Тедди задорно подмигнул Патрику. – Разница в том, что я – настоящий мужчина, и у меня хватает смелости носить его.

Меня заключили в объятия, стиснули, поцеловали и похлопали по попке – все это было проделано в мгновение ока, после чего Тедди перешел дальше, чтобы обрушить те же знаки внимания на хозяина вечера. Патрик, все еще дувшийся, сильно ударил здоровяка Тедди и даже отпихнул его, но тот лишь рассмеялся и взлохматил волосы друга. Патрик нахмурился и пригладил взъерошенную шевелюру, но вскоре сменил гнев на милость и позволил Тедди чмокнуть себя в щеку.

Я покачала бокалом, жестом показав на Патрика:

– Он пытается уговорить меня не пялиться на задницу.

– Что-о-о? А я-то думал, мы все собрались здесь, чтобы пялиться на мужские задницы!

Тедди потряс своей пятой точкой, я – своей, мы столкнулись задами и залились тем видом смеха, что обычно привносит нотки разудалого веселья в праздничную атмосферу. Патрик наблюдал за нами, снова скрестив руки на груди и подняв бровь. Покачав головой, он с укоризной бросил:

– Простите меня за то, что пытаюсь быть другом!

Мы с Патриком дружили довольно давно. Когда-то, много лет назад, нас даже связывало нечто большее. Патрик думал, что общее прошлое дает ему право настырно опекать меня, и я позволяла ему это, потому что... ну хорошо, потому что просто обожала его. А еще потому, что в моей жизни никогда не было слишком много любви, и мне не хотелось отказываться хотя бы от маленькой ее порции.

Тем не менее нынешнее проявление заботы казалось чрезмерным даже для Патрика. Мы с Тедди озадаченно переглянулись. Я пожалала плечами.

– Сгоняю-ка я на кухню, принесу еще вина, мои милашки, – вызвался Тедди. – Вам что-нибудь прихватить?

– У меня все есть. – Я приподняла свой бокал, все еще наполовину полный.

Патрик отрицательно покачал головой. Мы вместе проследили, как Тедди пробирается через толпу. Только когда он оказался вне пределов слышимости, я обернулась к бывшему бойфренду:

– Патрик, если ты пытаешься сказать не в самой деликатной форме, что трахал того незнакомого мне парня...

Резкий, отрывистый хрип, слетевший с уст Патрика, настолько отличался от его обычного смеха, что от изумления я потеряла дар речи. Друг решительно тряхнул головой:

² Ди Уильямс Билли – известный американский актер, не в последнюю очередь известный благодаря своим пышным усам.

– О нет! Только не его!

От меня не укрылось смущение, с которым Патрик поспешил отвести взгляд. Этот жест дал понять гораздо больше, чем если бы кто-то рассказал мне всю историю – тут, очевидно, слова были не нужны. Черт! Здесь даже не требовалось много наблюдать, чтобы прояснить ситуацию.

Усмешка сбежала с моего лица. Патрик никогда не делал тайны из своей личной жизни, и я слышала больше историй о мужчинах, с которыми он спал, чем хотела. Патрик был не из тех, кого отвергают – по крайней мере, такие казусы случались с ним нечасто. Сейчас мне оставалось лишь наблюдать, как краска заливает лицо друга, медленно подползая к его прекрасным высоким скулам.

Я снова бросила взгляд через всю комнату, в направлении Алекса Кеннеди.

– Он бортанул тебя?

– Тсс! – зашипел Патрик, хотя музыка и болтовня звучали так громко, что никто не мог нечаянно нас подслушать.

– Ничего себе!

Губы Патрика сжались еще крепче.

– Да замолчи ты, наконец!

Я в который раз посмотрела на Алекса Кеннеди, который все еще стоял в гостиной, опершись рукой на каминную доску. Теперь я заметила отутюженные стрелки на его черных брюках, обратила внимание на то, как аккуратно мягкий черный вязаный свитер облегает его широкие плечи и узкую талию. Что и говорить, этот Алекс умел носить одежду, впрочем, как и остальные мужчины, присутствующие здесь. Издали я могла видеть его темные глаза и длинноватые светло-каштановые волосы, которые выглядели так, будто он много раз проводил по ним рукой – или только что скатился с кровати. Чтобы выглядеть хорошо, подобные волосы требуют множества средств и усилий, и его шевелюра не была исключением. У меня возникло ощущение, будто красота черт Алекса сильно преувеличена, и на самом деле он не был таким уж прекрасным. Нет, объект моего изучения был, безусловно, очень мил, но, если бы Патрик не прицепился с этим своим «не смей даже смотреть», я бы, вероятно, взглянула на Алекса один раз, может быть, другой, но никогда не обратила бы на него внимание снова.

– Как так вышло, что я никогда прежде его не встречала?

– Он не здешний, – ответил Патрик.

Я опять оглянулась на мужчину, которого, повинувшись столь отчаянному желанию приятеля, мне стоило игнорировать. Алекс, казалось, был увлечен разговором с одним из друзей Патрика, их лица были напряжены и серьезны. Эти двое явно не заигрывали. Стоявший напротив Алекса человек гневно пил, его горло интенсивно работало.

Мне не нужно было поднимать руки, соединять большой палец одной руки с большим пальцем другой, а указательный – с указательным, чтобы изобразить границу фотографии, композицию которой уже мысленно составляла. Мое сознание делало это автоматически в то же самое время, когда наполнялось подробностями истории двух незнакомцев. Вспышка, щелчок... Я не захватила свою фотокамеру, но все же могла представить этот снимок. В уме я вставила Алекса в кадр – чуть сместив от центра и немного не в фокусе.

Проворчав что-то себе под нос, Патрик пихнул меня локтем в бок:

– Оливия!

Я снова взглянула на него.

– Перестань быть этакой наседкой, Патрик! Ты думаешь, я – идиотка?

Он нахмурился:

– Нет. Я не думаю, что ты – идиотка. Я просто не хочу...

Именно сейчас, в самый неподходящий момент, вернулся Тедди, и предостережение Патрика скрылось за натужной, неестественной улыбкой. Я тут же узнала ее, да и один

взгляд в его глаза сказал о многом. Я не видела чего-то подобного довольно давно, но реакция друга была мне отлично знакома. Патрик что-то скрывал.

Тедди бросил руку на плечи Патрика и притянул друга ближе, прижавшись к его щеке.

– Пойдем-ка. Поднос с сыром опустошили, и у нас почти не осталось вина. Двинем на кухню, милый, и я дам тебе небольшое угощение.

До появления в своей жизни Тедди Патрик никогда не оставался ни с кем дольше, чем со мной. Несмотря на это, а возможно, как раз из-за этого, я обожала Тедди. Я знала, что Патрик любит его, хотя почти никогда не говорит об этом. И потому, что я любила Патрика, мне очень хотелось видеть его счастливым.

Мрачный взгляд Патрика вновь пронзил пространство комнаты, метнувшись в сторону Алекса и обратно, ко мне. Я подумала, что друг мог бы рассказать и побольше, но вместо этого он лишь покачал головой и позволил Тедди увести себя. Ну а я... я бросила еще один вожделенный взгляд на очень аппетитную, просто превосходную задницу Алекса Кеннеди.

– Ливви! Веселых праздников! – раздался совсем рядом голос Джеральда, еще одного друга Патрика и человека, который уже не раз позировал мне.

Я сделала несколько портретов для портфолио Джеральда, а он взамен согласился на использование этих снимков в фотобанках, которые требовались для моего бизнеса по графическому дизайну.

– Когда же ты соберешься сделать еще несколько моих фото, а?

– Когда ты сможешь приступить?

Джеральд усмехнулся, обнажив идеальные белые зубы, и расплылся в обольстительной улыбке, обычно свойственной гетеросексуалам – к числу которых, увы, не относился.

– Только свистни, явлюсь по первому твоему зову.

Мы поболтали несколько минут о том о сем, после чего Джеральд сгреб меня в охапку, сжал в объятиях, поцеловал – и поспешил бросить, отправившись на поиски более интересного собеседника, какого-нибудь обладателя члена. Ничего страшного, я вполне обходилась одна. Чтобы чувствовать себя здесь как дома, мне совершенно не требовалось заботливое квохтанье Патрика: я знала большинство его друзей. Некоторые из недавних знакомых смотрели на меня с любопытством – как на пережиток прошлого, женщину, с которой Патрик был перед тем, как сменил ориентацию, – и все-таки были достаточно дружелюбны. Конечно, этому благостному настрою весьма способствовало потребленное спиртное. Ну а те друзья, что знали нас с Патриком еще по колледжу, искренне смеялись, вспоминая славные времена, когда мы были парой. Старые приятели с удовольствием предавались ностальгии – без плохо скрываемой вспышки жалости, которая так часто мелькала в глазах нынешних друзей Патрика, геев. И этому тоже немало помогала выпивка.

С бокалом в руке я пробралась к шведскому столу, чтобы нагрузить свою тарелку всевозможными деликатесами. Порезанные квадратиками индийские лепешки наан соединились с острым хумусом, кубики сыра окунулись в клюквенно-медовую горчицу, рядом на тарелке устроились несколько фиолетовых виноградин, все еще державшихся на стебле. Что и говорить, Патрик и Тедди знали толк в вечеринках, и даже в субботу после Дня благодарения в моем желудке оставалось место для аппетитных закусок, которые они обычно подавали. Я размышляла, что же попробовать – ломтики ростбифа с кровью, лежавшие рядом с покрытыми хрустящей корочкой французскими булочками, или из желания сохранить тонкую талию – земляничный салат с грецкими орехами, когда легкий хлопок по плечу заставил меня обернуться.

– Эй, подруга!

Я замерла с булочкой в руке, хлеб завис на полпути к моей тарелке. Соседку Патрика, Надю, я прекрасно знала. Она вечно в лепешку готова была расшибиться, лишь бы мне угодить, хотя явных причин для проявления такого радушия не было. Каждый раз я думала,

что навязчивые попытки Нади подружиться объяснялись не симпатией ко мне, а каким-то ее интересом, и сегодняшний вечер только подтвердил эти подозрения.

– Мне бы хотелось познакомиться тебя с Карлосом. Моим бойфрендом. – Прелестная улыбка красовалась на лице Нади. Оно было самым обыкновенным, ничем не примечательным, но в подобные моменты меня так и тянуло ее сфотографировать. Удивительно, как одна улыбка могла преобразить человека!

– Очень приятно, – пробормотал Карлос, скосив глаза на вкуснющие закуски, но рука Нади держала его прямо-таки железной хваткой, не давая возможности схватить хоть кусочек.

– Рада с вами познакомиться, Карлос.

Надя устремила на нас двоих выжидающий взор. Мы с Карлосом бегло, оценивающе осмотрели друг друга, его темные глаза пробежали по моему лицу и встретились с моим пристальным взглядом. Карлос оглянулся на Надю, цепко державшую его под руку. Ее кожа казалась прямо-таки белой на фоне смуглости бойфренда. Думаю, мы с ним отлично понимали, чего хотела Надя, но никто из нас не собирался ей потакать.

...Я не осознавала себя чернокожей до второго класса. О, конечно, я всегда понимала, что моя кожа темнее, чем у моих родителей и братьев. Да и черты моего лица были другими. Близкие никогда не скрывали, что меня удочерили, и мы праздновали не только мой день рождения, но и дату, в которую я стала частью их семьи. Я никогда не чувствовала себя обделенной вниманием, скорее наоборот, меня купали в любви. Холили и лелеяли. Даже баловали – двое братьев намного старше меня и родители, которые, как я узнала позже, пытались своей чрезмерной заботой компенсировать то обстоятельство, что их брак трещал по швам.

Я всегда считала себя особенной, но до второго класса совершенно не понимала, что... другая, не такая, как окружающие.

Дезире Джонсон перешла в мою школу в Ардморе из какого-то учебного заведения, расположенного ближе к бедной части Филадельфии. На голове Дезире красовались сотни крошечных косичек, заплетенных прямо от линии роста волос и закрепленных у концов пластмассовыми заколками. Она носила футболки с блестящими золотистыми надписями и спортивные штаны из мягкого велюра, а кроссовки казались потрясающе белыми и просто огромными для размера ее ноги. Дезире была другой, не похожей на остальных, и мы все в изумлении уставились на это чудо, вошедшее в наш класс.

Тем утром учительница, мисс Диппольд, объявила, что у нас появилась новенькая, не преминув заметить, как важно по-доброму относиться к новым ученикам, особенно тем, кто кажется «не таким, как все». Мисс Диппольд прочитала нам рассказ о Зике, пони с полосками, который оказался вовсе и не пони, а зеброй. Даже во втором классе я сразу уловила мораль истории и угадала, чем она закончится.

Но я никак не могла предвидеть, что мисс Диппольд прикажет мне подвинуть свою парту, чтобы Дезире могла сесть рядом. Я, разумеется, подчинилась, вне себя от восторга – еще бы, ведь меня выбрали, чтобы помочь новенькой девочке! Возможно, это произошло потому, что на той неделе я стала лучшей в классе по правописанию, и теперь мое имя красовалось на стенде достижений, давая мне привилегию уйти на каникулы раньше остальных? Или мисс Диппольд заметила, как я одолжила Билли Миллеру свой лучший карандаш, когда он снова забыл свой дома? Так или иначе, но я бросилась рьяно двигать в сторону парту, которая царапала пол, снимая с полированной деревянной поверхности стружки, чтобы Рэндалл, школьный дворник, мог поставить рядом еще одну парту и стул для Дезире.

На самом деле учительница посадила нас рядом вовсе не по одной из этих причин – об истинном смысле ее намерений я бы вовек не догадалась...

– Ты будешь сидеть на этом месте, – сказала мисс Диппольд, когда новенькая устроилась за своей новой партой. – Дезире, это – Оливия. Уверена, вы станете лучшими подругами.

Заколки Дезире защелкали друг о друга, когда она повернула голову, чтобы смерить взглядом мои плиссированную юбку, гольфы, туфли с ремешками-перемычками и пряжками. А еще мои волосы, эти спутавшиеся тугие кудряшки, убранные назад с помощью строгого ободка. Мою шерстяную кофту на пуговицах.

Для второклассницы Дезире была довольно дерзкой и языкатой.

– Вы что, издеваетесь? – выпалила она.

Глаза мисс Диппольд удивленно заморгали за ее огромными очками в роговой оправе.

– Дезире? Какие-то проблемы?

Девочка устало, по-взрослому вздохнула:

– Нет, мисс Диппольд. Со мной все в порядке.

Позже, прямо перед обедом, я наклонилась к Дезире, чтобы мельком взглянуть на рисунки, которые она сделала в своем блокноте. Главным образом это были завитки и круги, заштрихованные карандашом. Я показала Дезире свои собственные каракули, не столь замысловатые, как у нее, и объяснила:

– Я тоже люблю рисовать.

Дезире глянула на мои рисунки и фыркнула:

– Угу.

– Возможно, именно поэтому мисс Диппольд и решила, что мы подружимся, – терпеливо предположила я, не оставляя настойчивых попыток разговорить новенькую. – Потому что нам обеим нравится рисовать.

Брови Дезире взлетели так высоко, что, казалось, достали до линии роста ее волос. Она оглянулась на остальных: наши одноклассники уже вовсю бесились, предвкушая сэндвичи с говядиной и большую перемену. Дезире снова посмотрела на меня, потом взяла мою руку и положила рядом со своей. На фоне бледно-серых парт наши пальцы выделялись, словно тени.

– Мисс Диппольд ничего не знала о том, что я люблю рисовать, – сказала моя новая знакомая. – Ты ведь понимаешь, она имела в виду, что мы обе такие.

– Какие – такие?

Теперь Дезире сердито вздохнула и закатила глаза, раздражаясь из-за моей непонятливости. Да и тон ее стал совсем другим.

– Потому что мы обе – черные.

Настал мой черед быстро моргать, пытаясь переварить сказанное. Я обвела взглядом класс, вдруг заметив море белых лиц. Кейтлин Карузо тоже удочерили, она была родом из Китая и выглядела непохожей на остальных детей. Но Дезире оказалась права. Она обратила внимание на то, что мне давным-давно стоило знать.

Я была черной. Это открытие потрясло меня настолько, что лишило дара речи на весь оставшийся день, пока я не пришла домой и не достала все наши семейные альбомы, чтобы бегло, страница за страницей, просмотреть фотографии. Я была черной! Я была черной всю свою жизнь! И как я умудрялась не замечать этого раньше?

Ответ был прост: мои родители никогда не говорили об этом, никогда не придавали этому обстоятельству особого значения. Меня воспитывали по-другому, приучая ценить многообразие. Да и как могло быть иначе? Я появилась на свет благодаря белой матери и темнокожему отцу, еще в младенчестве меня усыновила семейная пара. У моих родителей был смешанный брак, хотя их различия касались религии, не расы. Моя мама, непрактикующая иудейка, вышла замуж за моего отступившего от католичества папу, и они вместе вырастили двух сыновей в хаотичной череде накладывавшихся друг на друга праздников, пока не развелись, когда мне было пять лет. Мы никогда не разговаривали о цвете моей кожи, не обсуждали, что это значило – или что это должно было бы значить.

Дезире надолго в нашем классе не задержалась. Ее семья снова переехала спустя несколько месяцев. Но с тех пор я никак не могла забыть эту девочку, обратившую мое внимание на то, что мне следовало знать и помнить всю свою жизнь.

А вот что касается таких людей, как Надя, которые гордятся отсутствием расовых предрассудков и своим политкорректным «дальтонизмом», то все, что они в конечном счете видят, – это как раз цвет кожи. Надя представила меня своему бойфренду не потому, что мы оба любим рисовать или оба слушаем «Депеш Мод» – либо просто из вежливости. И мы с Карлосом прекрасно понимали это.

Но до Нади так ничего и не доходило. Она всю щебетала, стоя между нами, хвасталась знакомствами с какими-то известными, как ей казалось, людьми, словно я должна была их знать, то и дело цитируя хип-хоповые песни. Карлос перехватил мой взгляд и легонько, пока его подруга не видела, пожал плечами. Потом посмотрел на свою Надю с нескрываемой нежностью, но тем не менее наконец-то остановил ее неумную болтовню, укоризненно пробормотав:

– Малышка!

Явно смущенная, Надя рассмеялась:

– Что?

– Если ты не позволишь мне съесть хоть кусочек этой еды, я упаду в обморок.

– Карлос много тренируется, – доверительно сообщила Надя, когда ее парень принялся опустошать фуршетный стол. – Он всегда голоден.

От необходимости комментировать это замечание меня спасла возникшая в гостиной суматоха. Я все еще следила за Алексом Кеннеди уголком глаза. Он по-прежнему стоял у камина. А вот мужчина, с которым Алекс разговаривал, вдруг повысил голос, его руки взметнулись вверх, жестикулируя, указывая. Обвиняя.

Драма в доме Патрика разыгралась не впервые; устрой вечеринку для кучи гомиков – и по полной программе достанется всем, как любил повторять он сам. Я не была единственной, кто обернулся на шум и стал наблюдать за разгоравшимся скандалом. Но Алекс, вместо того чтобы вступить в перепалку, лишь покачал головой и поднес к губам стакан с пивом.

– Ты... ты такой придурок! – кричал собеседник Алекса, и его голос истерически дрожал, заставляя меня ощущать одновременно и сочувствие, и смущение. – Не знаю, что я в тебе нашел, почему никак не могу от тебя отвязаться!

Мне-то было довольно легко понять, почему бедняге не удавалось выкинуть этого красавчика из головы. Алекс Кеннеди казался горячим, аппетитно дымящимся лакомым кусочком – ну просто ням-ням, пальчики оближешь! Он так и стоял на месте, спокойно, с достоинством встречая очередной стремительный поток оскорблений и упреков, до тех пор пока наконец обиженный визави не бросился прочь в сопровождении нескольких кудахчущих друзей. Весь инцидент длился от силы несколько минут и привлек внимание лишь небольшого числа присутствующих. Это был далеко не самый волнующий и драматичный спор из всех, что когда-либо сотрясали сборища Патрика, и, вероятно, к концу вечера все забыли бы об этом конфликте – кроме, разумеется, двух участвовавших в нем мужчин.

Ладно, и меня тоже.

Я была очарована.

Ему не нравятся девушки, напомнила я себе, и вонзилась вилкой в кусок ростбифа, послав к черту все диеты. Когда я подняла глаза от кровавой резни на моей тарелке, Алекса Кеннеди и след простыл.

Несмотря на досадное происшествие, это была прекрасная вечеринка, одна из лучших для Патрика. Когда перевалило за полночь, я была уже настолько переполнена вкусами и сплетнями, что приходилось прикрывать зевающий рот ладонью, чтобы никому не взду-

малось назвать меня старушкой – которой, сказать по правде, я иногда себя чувствовала. В гостиной раздались звуки караоке, гости пустились в пляс, сотрясая менору³ на окне и рождественскую елку в углу комнаты.

Это еще что за?.. О нет. Бывает же такое! Я прикрыла глаза рукой и бросила взгляд через пальцы на какого-то парня, который оказался в центре всеобщего внимания, затараторив стремительный речитатив Бейонсе, ее танцевально-клубный хит, популярный несколько лет назад. Ну, тот, где она призывает надеть кольцо на палец⁴. О, наш певец еще и пританцовывал, идеально выдерживая ритм, ни разу не сбившись! Возможно, ему стоило разместить собственный клип на YouTube. Все вокруг аплодировали и кричали, лишь я смотрела в угол с камином, наблюдая за тем, к кому явно обращался «мастер караоке». Да. За Алексом Кеннеди.

И мне вдруг почему-то подумалось, что кольцо вряд ли надевалось на какую-либо часть тела этого красавчика – кроме его члена.

– Эй, ну-ка, не кисни! – приободрил Тедди и наполнил мой бокал вином, пить которое мне уже не хотелось. – Вечеринка еще не окончена.

Я застонала и прислонилась к нему:

– Наверное, мне пора домой.

Тедди со смехом покачал головой и похлопал себя по карману:

– А ключи-то твои здесь.

Я подняла бокал:

– Если бы ты не настоял на том, чтобы его наполнить...

Теперь мы уже вместе засмеялись. Я провела немало ночей в этом доме, в комнате для гостей, и знала, что упорные уговоры Тедди остаться почти не зависели от того, сколько я выпила. Тем не менее теперь, глядя через арочный проем двери в ставшую вдруг танцполом гостиную, я пожалела, что я не оказалась смысленнее и не спланировала заранее, как проведу ночь. Хотелось бы мне сейчас уйти отсюда, но на улице было слишком холодно и темно, а путь предстоял чересчур долгий... Я была бы не против, если бы меня кто-то подвез, но, хотя несколько гостей уже уехали, для большинства торжество было в разгаре и заканчиваться, как для меня, явно не собиралось.

Я снова зевнула, прикрыв рот рукой.

– Думаю, мне не помешает чашечка кофе.

Тедди нахмурился:

– Бедняжка Ливви! Ты по-прежнему работаешь на износ.

– Если я не буду так упорно трудиться, никто не сделает это за меня, – пожала плечами я.

Что ж, я впечатлен. Ты планируешь покончить с «работой на дядю», начала свое дело. Собираешься уйти с надоевшей работы. Патрик и не думал, что у тебя все сложится так удачно. – На мгновение Тедди явно почувствовал себя неудобно, словно выболтал чужой секрет.

– Я знаю, что он не думал.

– Он тоже гордится тобой, Лив.

Я не была настолько уверена, что у Патрика есть полное право гордиться моими достижениями, но предпочла промолчать. Вместо того чтобы высказать свои сомнения, я позволила Тедди сжать себя в объятиях и немного потискать. Да и как могло быть иначе, если он напоминал приятную, улучшенную версию борга из сериала «Звездный путь»? Сопротивле-

³ Менора – один из символов иудаизма, массивный подсвечник с семью ветвями.

⁴ Имеется в виду песня Бейонсе Single Ladies (Put A Ring On It) о незамужних девушках, которым хочется надеть обручальное кольцо.

ние бесполезно. Только не теперь, когда я – лишь хлипкая молокососка для этого большого парня в свитере Санты. Ну что тут скажешь?..

Я вручила Тедди свой бокал с вином.

– Пойду поищу кофе. Либо на худой конец кока-колы или чего-нибудь в этом духе.

Конечно, я бы предпочла немедленно отправиться в кровать, но сейчас, когда вечеринка была в самом разгаре, мне вряд ли удалось бы заснуть. Кухня Патрика казалась премиальной, здесь царил китч с часами в виде котенка, махающего хвостом, и бытовой техникой в стиле ретро. Ладно, у него не все приборы были такими, исключение составляла современная кофеварка эспрессо, причудливое устройство, которое вспенивает молоко и использует специальные кофейные «таблетки». Я так и не научилась пользоваться этой хитрой машиной и, если честно, не смела даже прикоснуться к ней – всегда боялась сделать что-то не то и отбросить нас всех обратно в каменный век. Сказать по правде, я – из разряда слонов в посудной лавке.

Я знала, что в доме друга где-то завалилась обычная кофеварка, но лихорадочные поиски в шкафах результата не принесли. Патрик никогда не избавлялся от вещей – и я подчеркиваю это «никогда», у него рука не поднималась выбросить любимую футболку или лампу со сломанным выключателем. Черт, совсем не то что я. Патрик копил пожитки и заполнял свою жизнь людьми, напоминавшими героев компьютерной игрушки «Зомбпокалипсис». Единственным способом выжить в таких условиях было создание новой цивилизации, уже без старомодной одежды, переставшей функционировать бытовой техники и... бывших любовников. Так или иначе, но я точно знала: та простая кофеварка у Патрика сохранилась.

Возможно, мне стоило поискать прибор на застекленной веранде позади дома, теперь защищенной от зимних холодов листами пленки. Там Патрик хранил пару дюжин коробок самой разнообразной хрени, то и дело обещая Тедди разобрать вещи – и, разумеется, никогда этого не делая. Эспрессо-машина была новой, поэтому вероятность того, что Патрик просто где-то запрятал старую кофеварку, была необычайно высока.

Вся съезжившись от холода, я толкнула заднюю дверь, вышла на веранду – и моментально задубела, кожа сразу покрылась мурашками. Не став включать верхний свет, я направилась к первой стопке коробок. Кофеварки там не было, только коллекция порножурналов, которые я быстро пролистала окоченевшими, негнущимися пальцами и запихнула обратно в коробку. Похоже, той ночью у меня было больше шансов заполучить эрекцию, чем кофеварку, и не могу сказать, чтобы меня этот факт немного не печалил.

...Начало собственного бизнеса было величайшим делом для моего эго, это отлично тешило самолюбие. Но оказалось катастрофой для моего банковского счета и моей сексуальной жизни. У меня не было времени ходить на свидания, выстраивать отношения, окружать заботой другого человека – даже если бы я и нашла кого-то, достойного моих усилий. Совершенно не хватало времени даже для случайного флирта – работа на саму себя означала, что я проводила в одиночестве большую часть времени. Два моих других рабочих места, которые я сохранила ради того, чтобы платить по ипотечному кредиту, совершенно точно не способствовали знакомствам с мужчинами. Я проводила много времени в разъездах, фотографируя школьников и спортивные команды, и, хотя встречала полным-полно молодящихся папаш – мужиков, с которыми была бы не прочь потрахаться, – большинство из них были женаты. Моя работа в «Фото Фолкс» казалась прикольной и хорошо оплачивалась, но в роли клиентов неизменно выступали женщины среднего возраста, желавшие «будуарных» снимков, или любящие мамы, которые приводили своих детей для фотографий на фоне гигантских плюшевых медведей. Со временем у меня развилась серьезная аллергия на боа, в которых вечно позировали клиентки. Я сильно уставала и все-таки была счастлива. Иногда я буквально валилась с ног и переживала стресс, но делала то, что мне по-настоящему нравилось.

А еще я официально считалась фригидной.

– Ну, давай, Патрик, куда ты ее засунул? – Я забралась в дальний угол веранды, туда, где стояла укрытая на зиму плетеная мебель и высилась внушительная стопка садовых стульев. – Ах, вот она!

Нашлась кофеварка, фильтры для нее и даже закрытый полиэтиленовый пакет с кофейными зернами. Мой друг действительно никогда ничего не выбрасывал. Рассмеявшись и покачав головой, я обернулась на звук вдруг открывшейся позади меня двери.

Перед глазами застыл стоп-кадр.

Два силуэта появились в дверном проеме. Мужчины. Тот, который поменьше, подтолкнул того, кто был побольше, к стене. О! Смысл происходящего стал мне понятен. Я уже собиралась деликатно покашлять, сообщив тем самым о своем присутствии, когда более высокий человек повернул лицо к свету.

И как только я могла думать о том, что он обыкновенно привлекателен, что в нем нет ничего особенного?.. Один взгляд на профиль Алекса Кеннеди заставил меня чуть ли не рыдать от восторга – просто потому, что в этой жизни слишком мало людей настолько красивых, чтобы быть реальными. При ярком освещении его черты казались более интересными, чем там, в гостиной. Здесь, теперь, с этой тенью, разделившей лицо Алекса пополам, я могла заметить, что его нос был слишком острым, а линия подбородка – немного резкой для того, чтобы выглядеть совершенно. Волосы Алекса упали на лоб, лицо исказилось гримасой, когда стоявший напротив мужчина опустился на колени и расстегнул молнию на его брюках.

У меня все еще оставалось время дать понять, что они тут не одни. Парочка зашла уже слишком далеко, вероятно, любовники просто напились или так погрузились в свою похоть, что не замечали ничего вокруг, но я наверняка остановила бы их, если бы и вправду этого хотела. Но я не стала останавливать.

– Эван, – произнес низкий, сочный голос, который, должно быть, принадлежал Алексу. – Ты не должен этого делать.

– Заткнись.

Тени снова превратились в четкие фигуры: одна стояла выпрямившись, у ее ног согнулась другая. Свет фонаря, струящийся с улицы, был не слишком ярким, чтобы озарять веранду, но вполне достаточным, чтобы мне было видно все происходящее. А еще, думаю, скудное освещение послужило бы мне надежным укрытием, если Алексу и его спутнику вздумалось бы обеспокоиться чьим-то присутствием. Я находилась в дальнем углу, в самой тени. Пока я вела себя тише воды ниже травы, шансы на то, что они никогда не обнаружили бы меня, были очень высоки. Любовники спокойно закончили бы начатое... а потом ушли.

Эван рывком спустил брюки Алекса вниз, к коленям. Силясь успокоить участившееся вдруг дыхание, я зажала рот рукой. Мне не удалось разглядеть член, но я не настолько гордая, чтобы не признать: я действительно пыталась сделать это. Все, что я могла видеть, – это нежно ласкавшая рука Эвана. Он двинул плечом, на фоне серого пола показалась черная глыба-тень. Голова Алекса запрокинулась, глухо стукнувшись о стену.

– Заткнись и получай удовольствие, – сказал Эван.

Возможно, он хотел, чтобы это прозвучало угрожающе или сексуально, но Алекс лишь рассмеялся и положил руку на голову партнера. Неужели мне все это не чудилось: пальцы Алекса, сжимавшие и переплетавшие волосы другого мужчины? То, что происходило на моих глазах, казалось невозможным, но в следующую секунду, когда голова Эвана дернулась назад, я поняла, как крепко держал ее любовник.

– Ты серьезно настроен потрахаться? – все еще смеясь, спросил Алекс.

Следующий звук, слетевший с уст Эвана, тоже не был чересчур грозным. Мне он сексуальным не показался, в отличие, судя по всему, от Алекса, который ослабил свою железную хватку настолько, чтобы позволить голове Эвана свободно двигаться взад-вперед. До меня донесся мягкий сочный звук рта, скользящего по плоти.

Черт.

– Мать твою, как же хорошо!

– Я знаю, как тебе это нравится, – отозвался Эван, на сей раз тише, без выражения.

– А кому не нравится? – опять залился смехом Алекс, его голос звучал тихо и неторопливо, немного сонно.

Если то, что я возбуждалась, подглядывая за тем, как двое трахаются, делает меня извращенкой, заклейте меня позором и пришлите футболку с соответствующей надписью.

Между тем звуки стали еще мягче, еще сочнее. Я и сама была мягкой и сочной, но не могла дотянуться рукой между ног просто потому, что застыла на месте, потрясенная очарованием момента – и, разумеется, осознанием того, что я наблюдаю исподтишка не какое-то гей-порно, а отношения вполне реальных, настоящих мужчин.

Я сжала мышцы бедер. Вау! Мне вдруг стало так хорошо... Я сделала это снова, надавив на клитор, – ощущения, конечно, были не такими превосходными, как если бы его коснулись кончиком пальца или языком, и все же медленное и размеренное сжатие мускулов вызвало внутри нарастающее, приятно знакомое ощущение.

Я сощурилась, мои глаза постепенно привыкали к темноте. Я уже могла различить вспышку в глазах Алекса, когда он посмотрел вниз, на Эвана, а потом и сияние улыбки Эвана, когда он отпрянул от члена Алекса. Но красавчик снова положил руку на голову любовника. И Эван опять вернулся к своим откровенным ласкам.

Алекс стонал.

Эван издал приглушенный звук, который не показался мне приятным. Послышалось шарканье ног, заскрипели половицы. Еще один тихий удар по стене заставил меня открыть глаза, и я увидела изогнувшийся силуэт Алекса.

Объект моего внимания уже наслаждался кульминацией откровенного действия. Мне пришлось зажмуриться и отвернуться. Я просто не могла наблюдать за этой сценой, независимо от того, какой сексуальной она казалась, какой возбужденной и извращенной я себя чувствовала. Что ж, по крайней мере, мне уже не было холодно.

– Нет, – вдруг сказал Алекс, и я снова открыла глаза. Эван уже поднялся. Любовников разделяло небольшое расстояние, заполненное светом пространство в темноте меж двух теней. Я увидела, как Эван снова подался вперед, совсем чуть-чуть, но Алекс отступил в сторону.

– Нет? – повторил Эван, и в его тоне зазвучало явное недовольство. – Ты позволил мне сосать твой член, но сам не поцелуешь меня?

Послышался треск застегивающейся молнии. Следом раздался вздох. Фигура Алекса дрогнула, словно он пожал плечами.

– Ты – чертов придурок, знаешь это?

– Я-то знаю, – спокойно ответил Алекс. – Да и ты знал об этом перед тем, как притащил меня сюда.

Невероятно, но Эван топнул ногой. Даже Патрик при всей своей «голубизне» никогда не топал ногами.

– Я тебя ненавижу!

– Ты сам понимаешь, что это не так.

– Да, так! – Эван распахнул дверь, мне в глаза неожиданно хлынул яркий свет, и я крепко зажмурилась. – Домой можешь не возвращаться, забудь об этом!

– Твое жилье – не мой дом. Иначе почему, как ты думаешь, я забрал весь свой хлам?

Ой... Эти жестокие слова уязвили даже меня. На месте Эвана я бы тоже возненавидела Алекса – уже за один его самодовольный тон.

– Черт побери, как же я тебя ненавижу! Мне не следовало давать тебе второй шанс!

– А я тебя об этом и не просил, – отозвался Алекс.

Эвана в один миг вымело с веранды. Алекс задержался на минутку-другую, он тяжело дышал. Я по-прежнему старалась вести себя как можно тише, хотя сердце колотилось так отчаянно быстро, что звезды мелькали за моими веками. Я боялась, что Алекс услышит меня, но он явно ничего не заметил.

Наконец самодовольный красавчик направился в дом.

А я обнаружила, что взбодрилась и без хорошей порции кофе.

Глава 2

В кухне на меня внезапно напустился Патрик, его лицо искажала свирепая гримаса.

– Где тебя носило?

Я жестом показала на веранду:

– Я была там, искала твою кофеварку.

Он грозно скрестил руки на груди.

– Она прямо перед твоим носом, на столешнице.

Вечеринка все еще бурлила, но с меня было довольно. Слишком много драм для одного вечера. Если бы я не выпила чуть больше вина, чем следовало, и не словила бы кайф, то отправилась бы домой, чтобы завалиться спать в свою собственную постель. Увы, от всплеска адреналина меня совсем развезло, и теперь я едва могла внятно произносить слова.

– Ты же знаешь, я не могу пользоваться этой кофеваркой. Она для меня слишком сложна.

Патрик пристально разглядывал меня:

– Ты что, напилась?

– Нет. Просто устала.

Я обняла Патрика, и это проявление теплых чувств, полагаю, на мгновение удивило друга, судя по тому, как он подскочил на месте. Это замешательство длилось какую-то секунду, в следующий миг его руки уже обвились вокруг меня. Патрик крепко прижимал меня к себе, пока я не отпрянула.

– Я собираюсь ложиться спать.

– Уже?

– С ног валюсь от усталости! – Я пихнула Патрика в бок, и он попробовал подавить смех, но тщетно. – В конце концов, тебе-то что за дело? Почему мечешься, как ошалелый, словно тебе двести двадцать вольт кое-куда вставили?

Моя шутка рассердила Патрика.

– Очень смешно. Я искал тебя, только и всего. Ты исчезла из поля зрения.

– Угу. – Я зевнула, прикрыв рот ладонью. – Ну, хорошо, вот я здесь. Невелико событие, Патрик, полная фигня!

Он схватил мою руку и сжал ее.

– Я лишь хотел убедиться, что с тобой все в порядке, Лив. Что в этом такого? Удостовериться, что у моей любимой девочки все хорошо?

– Ты давно меня так не называл.

Мои пальцы, сцепленные с его, изогнулись. Патрик отпустил мою ладонь.

– Я действительно так считаю, и ты это знаешь.

Если вы в своей жизни любили кого-то достаточно долго, чтобы не остановиться вовремя, то отлично поймете, что я чувствовала в тот момент. Стоя на кухне с Патриком, теперь принадлежащим кому-то еще, с затуманенным усталостью и красным вином сознанием, я из последних сил старалась не поддаваться меланхолии. Решив не печалиться, я поцеловала бывшего бойфренда в щеку и, как обычно, потрепала его по заду.

– Пойду спать.

Я поднялась наверх по черной лестнице. Узкую и крутую, с резким поворотом на полпути, ее было непросто одолеть даже трезвому как стеклышко. Звуки музыки стихли, но басовое «умца-умца» по-прежнему ощущалось, когда я поднялась по лестнице и прошла через то, что Патрик и Тедди называли задней комнатой. Одолев это помещение, снабженной одной дверью на вход и другой – на выход, я прошла вниз по длинному, узкому коридору. Как на лестнице, у коридора был поворот, резко и налево. Я любила старые дома за их

укромные извилистые уголки, и это жилище не было исключением. Когда Патрик и Тедди переехали, этот дом был разделен на квартиры, но они сделали ремонт, соединив разрозненные апартаменты в одно жилье. Я коснулась обоев в коридоре, которые обнаружились, когда был содран слой потрепанной панельной обшивки 1970-х годов. В темноте я не могла разглядеть крошечные веточки с цветами лаванды на бледно-желтом фоне, но прекрасно знала, что они там были.

Однажды я сделала снимок, изображавший вид вниз по коридору. Свет из окна в конце этого коридора создавал тени под светильниками, которые были недостаточно причудливы, чтобы считаться антиквариатом, просто старые. Мне удалось запечатлеть расплывчатую, туманную фигуру в углу – нечто, напоминавшее по силуэту женщину в длинном платье, с волосами уложенными в высокую прическу. Возможно, игра света или оптический обман. Изображение получилось настолько не в фокусе, что мне никак не удавалось хорошенько его рассмотреть. Но в ночи подобные этой, когда я едва ковыляла на своих двоих от утомления или явного перебора с общением, мне представлялось, будто я ощущаю утешительную руку этой дамы, которая помогает мне идти.

Я с трудом дохромала несколько шагов от дверного проема до кровати, по дороге сбрасывая одежду, и опустилась на мягкий матрас с горой подушек и одеял. Я без лишних церемоний сбросила их на пол, прекрасно осознавая, как негодовал бы по поводу такой небрежности Патрик, но слишком утомленная, чтобы складывать все аккуратно на стоявшем под окном сундуке. Я потянулась к тумбочке и пошарила внутри, найдя рядом с упаковкой бумажных носовых платков и бальзамом для губ маленькую квадратную коробочку с затычками для ушей. Я держала их здесь на случай таких вот ночевок – точно так же, как оставила запасную коробку с «женскими штучками» под раковиной в ванной.

Через полминуты я погрузилась в благословенную тишину, хотя время от времени поднимавшаяся снизу волна басов все еще немного вибрировала в моем желудке. Я натянула огромную футболку, которую вытащила из нижнего ящика тумбочки, и уютно устроилась под тяжелым стеганым ватным одеялом, надежно подсунув одну из подушек между коленями, чтобы облегчить давление на мою ноющую спину. Я не могла слышать собственного дыхания, хотя тяжелый глухой стук сердца все еще звучал в моих ушах.

Я не могла заснуть.

...В свой второй год обучения в колледже я делила комнату с тремя девушками. Студенческое общежитие, в котором я хотела остановиться, было забито битком. У меня был выбор: жить в другом здании, довольно далеко от аудиторий и кафетерия, или перебраться на один семестр в переоборудованную под жилье учебную комнату. Второй вариант был не таким уж и плохим. Комната была просторнее клетушек общежития, это означало, что у нас всех появилось чуть больше места. К тому же учебное помещение располагалось на углу здания, поэтому вместо одного маленького окна, как в обычных комнатках, у нас появилось целых четыре, да еще и огромных. Единственным недостатком жилища оказалось полное, абсолютное отсутствие уединенности. Пришлось забыть о приглашении в эту комнату парней – здесь невозможно было даже мастурбацией заняться без публики.

Не знаю, как насчет моих соседок, одна из которых была представительницей благочестивых христиан, чья миссионерская позиция не имеет ничего общего с сексом, но я всегда была и, подозреваю, всегда останусь страстной фанаткой самоудовлетворения. В то время я прибегала к одной уловке, позволявшей достичь желаемого эффекта: нужно было тереться о подушку, засунутую между ногами. Медленно, плавно сжимая внутренние мышцы, я постепенно приближала себя к кульминации, пока не достигала блаженства, крепко сдавливая подушку. Я не занималась этим уже очень давно – теперь, когда жила одна, можно было раздеться догола и сделать это хоть на столе в гостиной, если бы душа пожелала. Не то чтобы я когда-нибудь так поступала, конечно...

Но я не забыла, как это делать, как сжимать, расслаблять и осторожно двигать бедрами вперед-назад, именно так. На мгновение мной овладело смущение, но я отбросила все мысли о неловкости прочь – ради оргазма. В конце концов, я не мешала той парочке любовников, не вламывалась к ним, не подглядывала через окно. Шоу на веранде свалилось на меня, как подарок на межконфессиональный праздник, а не в моих правилах было возвращать подарки только потому, что они не совсем мне подходили.

Воспоминание о стоне Алекса Кеннеди скользнуло по мне в темноте, направившись прямо к впадине внизу моего живота, внутрь меня. Вниз, к моему клитору. Я даже немного дернулась рядом со своей подушкой. Интересно, каково это – быть причиной того, что заставило Алекса издать столь чувственный звук?

Внезапно я ощутила, что подошла к грани наслаждения. Я снова дернулась, сжимая свои внутренние мышцы, удерживая их в стиснутом состоянии, а потом расслабляя. Медленные, сладостные волны оргазма начали накатывать где-то глубоко внутри. Я зарылась лицом в подушку и впилась зубами в ее мягкость, пытаюсь заглушить звук своего собственного стоны. Зажмурив глаза, я каталась на волнах удовольствия...

Из всех снимков, которые мое сознание сделало той ночью, я все еще могла видеть один – его лицо.

Когда я проснулась, в доме было тихо. Я потянулась под тяжестью одеял. Кончик моего носа и щеки замерзли, и это не предвещало ничего хорошего остальной части моего тела – если бы я, конечно, отважилась покинуть свою теплую пещеру. Дом Патрика и Тедди был старым, отапливался он неравномерно, а я прошлой ночью забыла открыть задвижку батареи. Возможно, холодно было только в моей комнате, либо промерз весь дом – это зависело от того, включили ли хозяева систему отопления до того, как отправились спать.

Мой желудок громко заурчал. Мочевой пузырь, самый эффективный будильник из всех, что у меня могли быть, напомнил о вине, выпитом накануне. И, что было еще хуже, мое сознание упорно заставляло меня снова и снова вспоминать события прошлой ночи – ярко, отчетливо, во всех деталях.

Неужели я и в самом деле испытала оргазм, представляя Алекса Кеннеди, наслаждавшегося минетом? Кажется, так и было. Я опять потянулась, ощущая приятную мягкость под собой, тепло – вокруг меня, легкое прикосновение гладкой ткани к своему животу там, где была завязана моя огромная футболка. Я ожидала от себя чувства стыда или, по крайней мере, смущения, но нет. Ни-че-го. Все-таки я была удивительно распушенной.

Осознание этого наконец-то заставило меня поднять свой зад с кровати, потому что по-настоящему распушенной можно быть исключительно с пустым мочевым пузырем и полным желудком. О первом я позаботилась без особого труда, вприпрыжку пробежав вниз по холодным голым доскам деревянного пола коридора в ванную, где была такая стужа, что я могла видеть пар своего дыхания. Когда я мыла руки над раковиной, горячая вода буквально ошпарила мою кожу. Я бросила горящий желанием взгляд на ванну, эту старомодную бадью на ножках в виде когтистых лап, которую Патрик ненавидел, а я жаждала всеми силами души.

Внизу, на кухне, было восхитительно тепло. Нагретый воздух потоком струился вверх из открытой решетки в полу – прямо под кухней располагалась отопительная печь. Минут через двадцать я наверняка должна была бы вспотеть, но пока просто упивалась жарой. А еще наслаждалась видом полок, ломившихся от остатков еды со вчерашней вечеринки, – все было разложено по пластмассовым контейнерам и аккуратно расставлено в соответствии с размером и формой. Работа Патрика. Я могла лишь догадываться, до которого часа он не ложился спать, наводя порядок, прежде чем Тедди заставил его отправиться в кровать. Большим плюсом чистоплотности моего друга было то, что я могла не сомневаться: ничего

из этой еды не спровоцирует у меня пищевое отравление. Патрик был ярым сторонником торжеств со шведским столом, который был сервирован холодными или горячими блюдами – в зависимости от ситуации.

Вонтоны с начинкой из курицы, эти маленькие мерзавцы, призывно смотрели на меня, даже не пытаясь притворяться, будто не знают о моем намерении сбросить несколько фунтов. Я еще могла проигнорировать шоколадный торт, но только не эти небольшие китайские пельмешки, это жирное кисло-сладкое совершенство. Я вытащила из холодильника контейнер, потом обернулась, чтобы поставить его на стол, – и чуть не налетела на чей-то голый торс.

Контейнер с вонтонами ударился об пол и отскочил в сторону. От неожиданности я закричала. Громко.

Алекс Кеннеди улыбнулся.

– Черт, а ты – красивый, – вдруг выпалила я.

Алекс удивленно моргнул, его улыбка стала еще шире.

Он скрестил руки на своем просто идеальном, превосходном обнаженном животе.

– Спасибо.

Я подумала о том, чтобы наклониться и поднять свой завтрак, но так я бы оказалась прямо у его ног, а это было совсем не тем местом, где мне хотелось бы очутиться. По крайней мере, не после вчерашней ночи и того, что я видела.

Алекс бросил взгляд сначала на контейнер, лежавший у пальцев его босых ног, потом – на меня. Наконец, он нагнулся и сам поднял коробку с пельменями.

Все вышло наоборот, и это Алекс у моих ног? Очень приятно, в самом деле.

– Благодарю. – Я забрала контейнер и протиснулась мимо него, чтобы поставить еду в микроволновку. Потом оглянулась через плечо: – Хочешь?

Алекс рассмеялся, покачал головой и сделал шаг назад. И вдруг я осознала нечто забавное, нечто странное. Неужели ему... неловко?

Мне было привычно обнаруживать полуголых мужчин на кухне Патрика на следующее утро после вечеринки. Правда, я никогда не подглядывала ни за кем из них, ублажаемых чьим-то ртом, а затем не вспоминала об этом, доводя себя до оргазма – о чем герой моих грез даже не догадывался.

– Я – Алекс. Патрик разрешил мне перекантоваться здесь ночь.

– А я – Оливия, – отозвалась я и смолкла, ожидая реакции. Он и глазом не моргнул.

– Приятно познакомиться, Оливия.

Алекс прокашлялся и немного покачался на пятках. Пальцы его босых ног были столь же восхитительны, как и все остальное. Только сейчас я заметила на нем пижамные штаны с выбитыми на ткани мордочками кошечки из мультика «Хелло Китти» – полинявшие брюки, которые, очевидно, очень любили и часто носили. Они скрывали больше Алекса, чем моя футболка до середины бедра – меня, и я предпочла бы сейчас быть в халате или на худой конец в свитере, хотя больше не мерзла.

Я снова взглянула на штаны.

– Миленькие.

Алекс рассмеялся, посмотрев на пальцы своих ног. Взор, который он поднял на меня, был удивленным, смущенным – но не сильно, совсем чуть-чуть.

– Спасибо. Мне их подарили.

Микроволновка звякнула, и я вытащила оттуда контейнер, протянув своему новому знакомому.

– Уверен, что не будешь?

Алекс покачал головой, хотя кончиком языка задумчиво тронул нижнюю губу, словно хотел попробовать содержимое подогретой коробки.

– Думаю, мне лучше подкрепиться овсянкой.

Я вытащила из ящика вилку и воткнула ее в вонтон с куриной начинкой.

– Пожалуйста, только не говори мне, что собираешься вызвать во мне чувство вины, потому что я не расположена бежать полторы мили в такую рань.

На сей раз его смех зазвучал не так наигранно, более искренне.

– Черт, нет. Я не собираюсь бегать. Не в такую погоду, по крайней мере. Или, ладно... вообще никогда.

Я проглотила кусочек бесподобной вкуснятины.

– Слава богу.

Я снова подошла к холодильнику, чтобы взять апельсиновый сок. Тедди постоянно делал свежевыжатый сок и никогда не оставлял кувшин пустым. Я вытащила сок и предложила Алексу. Он кивнул. Схватив пару стаканов и поставив их на стол, я налила сок. Выражение лица Алекса было таким, что мне захотелось проверить, не застряло ли что-нибудь в моих зубах или не свисает ли нечто из моего носа.

– Что?

– Ничего, – сказал Алекс. – Просто...

Я уселась за кухонным столом и махнула ему, приглашая устроиться рядом. Он потянулся к стакану сока и сделал глоток. Я ждала ответа.

– Просто – что? – не выдержала я, когда Алекс молча застыл на месте.

– Патрик не упоминал, что здесь остался на ночь кто-то еще. Только и всего.

– А! – Я вонзила вилку в очередной китайский вонтон, который, конечно, не следовало запивать апельсиновым соком. Впрочем, это было совершенно не важно. – Он и мне не говорил, что ты останешься здесь. В сущности, он посоветовал...

Разговор явно не клеился, мы оба словно язык проглотили.

Вопросительно изогнув бровь, Алекс расслабленно откинулся на своем стуле. На кухне было тепло, но он по-прежнему сверкал голым торсом, и его кожа покрылась мурашками. Я вдруг представила, как наклоняюсь над столом, чтобы облизать соски Алекса, и этот мысленный образ заставил мое тело вспыхнуть жаром – который обрушился на меня совсем не из пыхтящей под нашими ногами отопительной печи.

– Что посоветовал? Скажи мне! – Самоуверенный мужчина, которого я видела вчера вечером на вечеринке, тот, который так привлек мое внимание, вдруг вернулся. Его сладкий голос таял, будто вязкая карамель на мягком мороженом. Я все еще хотела облизать это лакомство...

– Он посоветовал, – ответила я Алексу, старательно рассматривая свою еду, чтобы не смотреть на него, – избегать тебя.

– Что, правда?

Я чувствовала, что мой смех звучит неестественно, но, в конце концов, Алекс мог этого не понять, ведь он не знал меня.

– Да.

– Почему?

Я слизнула соевый соус с пальца и поймала взгляд Алекса, его глаза сузились, но не от злости. Возможно, он заинтересовался. Был заинтригован.

– Потому что Патрику все время хочется удостовериться, что я не влипну в какую-нибудь историю и не наживу себе проблем.

Алекс слегка фыркнул и отпил еще немного сока.

– Он думает, что я – проблема?

– А разве нет? – Это уже звучало как флирт. Наша беседа стала напоминать заигрывание, но я знала достаточно, чтобы кокетничать с мужчиной, предпочитавшим парней. Я хорошо усвоила этот урок еще давным-давно.

– Полагаю, это когда как, – отозвался он и, немного помедлив, все же согласился. – Да. Я – ходячая проблема.

Мы вместе посмеялись над этим, наконец-то разговорившись и сойдясь в оценке его личности, особенно в свете заботливого предупреждения Патрика.

– Я так и думала. Ты похож на проблему.

Вчера вечером прекрасные каштановые волосы Алекса были уложены слишком тщательно, чтобы растрепаться, но теперь они беспорядочно рассыпались, упав ему на лоб и глаза. Когда Алекс наклонился и вперил свой взгляд в стол, рассеянно постукивая по нему пальцами, непослушные пряди закрыли красивое лицо. Мне так и хотелось откинуть их с его лба.

– Челка у тебя, как у эмо, – брякнула я.

Алекс поднял на меня взор и смахнул волосы с глаз.

– А?

Я показала на его шевелюру.

– Твои волосы. Эти длинные пряди напоминают челки, под которыми прячут глаза все эти эмо-киды, те, что носят узкие джинсы и красят ногти черным лаком.

Он снова залился смехом, на сей раз настоящим, долгим.

– Наверное, это серьезный знак для того, кто не причисляет себя к эмо, да? Знак того, что пришло время подстричься?

– Я так не думаю. Мне нравится твоя прическа. – Я наколола на вилку последний пельмешек и подержала на весу, поднеся поближе к нему. – Уверен, что не хочешь попробовать?

– Ну что за черт! – Алекс сдернул кусок с вилки и, держа пальцами, отправил его в рот.

Я во все глаза смотрела, как губы Алекса потянулись к его пальцам и принялись медленно обсасывать соевый соус. Меня снова обьял жар, внутри все закружилось в томительном водовороте, что, конечно, было очень глупо, но... эй, ну может девчонка хотя бы посмотреть, если дотронуться нельзя? Мы одновременно покончили с нашим апельсиновым соком.

Потом мы какое-то время посидели в тишине. Алекс мог быть ходячей проблемой, но определенно не слыл болтуном. Не то чтобы он помалкивал пренебрежительно, высокомерно, словно не желал перемолвиться со мной словечком. Скорее всего, просто не знал, что сказать.

– Откуда ты знаешь Патрика? – Я предпочла поддержать беседу, вместо того чтобы выйти из теплой кухни и направиться в это ледяное царство наверху, туда, где я должна была одеться, а потом выйти на еще более промерзшую улицу, чтобы ехать домой. Нет, лучше поговорить. Тем более что мне действительно было любопытно.

– Мы познакомились в Японии.

– Ты работаешь в «Куинто энд Бэйтс»? – Это была юридическая фирма, в которой трудился Патрик.

Алекс покачал головой:

– Нет, я оказался в Японии в качестве консультанта компании «Дэмсмитон индастриз», а Патрик прибыл туда на международную деловую встречу.

– Значит, ты – не адвокат. – Я окунула палец в оставшийся на дне контейнера соус от китайских пельменей. Голода уже не ощущалось, но сопротивляться пикантному аромату соуса было выше моих сил.

Он рассмеялся:

– Черт возьми, нет! Мы с Патриком сразу поладили, тусовались вместе после дел. Поддерживали контакт. Когда я сказал Патрику, что возвращаюсь в Штаты, он пригласил заглянуть к себе, повидаться.

Ага, так я и поверила! Это объяснение как-то не вязалось с выражением лица Патрика и его предостережением, этим нелепым советом избегать Алекса.

– Выходит... вы – друзья?

– А что именно Патрик говорил обо мне? – Длинные пряди снова упали на лицо Алекса, и он не стал смахивать их со лба.

Я помедлила секунду перед тем, как ответить.

– В сущности, он сказал совсем немного.

Такая несловоохотливость была совсем не в духе Патрика. Обычно у него имелось что сказать о каждом, а даже если ни одной байки в запасе и не было, он всегда мог на ходу сочинить какую-нибудь фигню. Пока я размышляла об этом, Алекс поднялся и направился к холодильнику. Патрик предупредил, чтобы я держалась от Алекса подальше, но ничего толком не объяснил. Никаких подробностей. Никаких сплетен. Странно.

Алекс достал все тот же кувшин с соком и накрытую фольгой тарелку с печеньем, которая ускользнула от моего внимания. Сначала красавчик предложил угощение мне, и я отметила, что он обладал хорошими манерами. Уже не стоило притворяться перед самой собой или ним, что я вообще не ем печенья. Отказываться было слишком поздно. С приходом января я начну ныть об огромном размере своей задницы, как, впрочем, и все остальные вокруг – вечно так происходит, как себя ни сдерживай.

Я взяла с тарелки имбирный пряник в форме мужчины с огромным стоящим членом.

– Хм... Обычно я сначала откусываю головы, но...

Алекс прыснул и тоже взял печенюшку.

– Что ж, теперь возникла серьезная дилемма.

Мы все еще смеялись, когда Патрик спустился по лестнице. Хозяин дома был одет в шелковое кимоно, его лицо было изможденным, помятым. Светлые волосы Патрика спиральками торчали во все стороны. Остановившись на последней ступеньке, он смерил нас двоих надменным взглядом.

– Мы там, наверху, слышим каждое ваше слово.

– Извини, – покаянно произнес Алекс.

Я же не удосужилась попросить прощения.

– О, Патрик, да брось ты! Похоже, уже полдень. Пора просыпаться и поднимать свою ленивую задницу с кровати.

Патрик широко зевнул и величаво прошествовал мимо, потом резко обернулся и метнул в меня сердитым взглядом:

– Ты даже не сделала кофе?

– Твоя чертова машина слишком сложна для понимания, – ласково отозвалась я, хотя он, разумеется, прекрасно знал об этом, и конечно же продолжал пылать праведным гневом по поводу того, что я не подорвалась тут же варить ему кофе.

– Я все сделаю, – вдруг сказал Алекс и захлопотал у стола прежде, чем мы с Патриком успели обменяться изумленными взглядами. – Мне следовало подумать об этом, приятель! Прости.

Я недоуменно подняла бровь, наблюдая за этой внезапной вспышкой подобострастия. Но, черт возьми, что мне вообще было известно об этом парне? Предостережение, посвященная ему серенада в караоке и минет по пьянке в темной комнате. Он не показался мне типом, готовым раболепно угождать всем и каждому, и меня сильно удивил неожиданный поворот в его поведении.

– Спасибо, – немного натянуто отозвался Патрик. – Алекс, это – Оливия Мэки. Оливия, это – Алекс Кеннеди. Оливия сама себе хозяйка, работает по контрактам, у нее собственная компания, которая занимается графическим дизайном. Алекс оказывает консалтинговые услуги нескольким международным корпорациям.

Наливая воду в резервуар кофеварки, Алекс обернулся, когда Патрик представил нас в напыщенной манере, достойной коктейльной вечеринки. За спиной Патрика в его кимоно мы с Алексом переглянулись, я легонько пожала плечами. Я тоже ничего не понимала.

– Мы уже познакомились, – объяснила я Патрику. – А что это с тобой?

– Я лишь пытаюсь быть хорошим хозяином.

– Благодарю, Патрик, – сказал Алекс и приступил к варке кофе.

Он безошибочно четко передвигался по кухне Патрика, поколебавшись лишь однажды, когда открыл не тот шкафчик и обнаружил там банки со специями вместо кофейных зерен.

Я повернулась на своем стуле, внимательно наблюдая за Алексом. Он явно не был случайным гостем. Этот парень чувствовал себя здесь как дома.

Обычно мы с Патриком понимали друг друга без слов, но этим утром он нарочно не подавал мне верных сигналов. Или неправильно истолковывал мои. За ним водилась подобная избирательность. Прежде чем я смогла заставить приятеля объяснить мне, какого черта тут происходит, Алекс отвернулся от кофеварки.

– Кто-нибудь жаждет блинчиков?

– В меня уже не влезет! – воскликнула я.

Но Патрик уже поспешил согласиться:

– Алекс, ты – душка!

Потом Патрик посмотрел на Алекса. Алекс посмотрел на меня. А я посмотрела на Патрика.

– Что ж, – сказала я, – мне пора ехать. Нужно немного поработать...

– В воскресенье? – недоверчиво спросил Патрик. – Какой смысл в работе на саму себя, если ты не можешь отдохнуть даже в выходные?

Я встала и потянулась.

– Смысл работы на саму себя заключается в том, что я могу трудиться всякий раз, когда захочу.

– Да, и работать всякий раз, когда это необходимо. – Алекс наклонился над столешницей, заведя одну длинную ногу за другую так, что они перекрестились в области лодыжек.

Я кивнула. Он меня понял. Патрик, который вкалывал по восемьдесят часов в неделю, но при этом наслаждался месячным отпуском каждый год, осознавал значимость упорной работы, но, вероятно, так никогда и не постиг бы, почему я хотела оставить место с постоянной зарплатой ради собственного дела.

Я обняла своего бывшего бойфренда и поцеловала в щеку. Патрик наконец-то смягчился, так что избежать его ответных крепких объятий мне не удалось. Он сжал мое лицо в ладонях и заглянул мне в глаза.

– Не работай слишком много, Ливви. Все-таки сейчас праздники.

Я положила ладони на его руки, сжимавшие мои щеки, и осторожно оторвала его пальцы, чтобы ослабить железную хватку.

– Ты хочешь, чтобы я отобрала все подарки, которые тебе купила?

Патрик рассмеялся – это был его первый настоящий, искренний смех за несколько дней – и притянул меня к себе еще ближе. Потом шепнул на ухо:

– Не забывай, о чем я говорил.

Большую часть времени, когда Патрик вот так обнимал меня, я не видела в этом ничего особенного и относилась так, как и следовало, – как к физическому выражению привязанности и любви между двумя друзьями. Платоническими друзьями. Но иногда, случалось, я забывалась и вдыхала его запах – аромат одеколona, который я купила для него много лет назад и которому он никогда с тех пор не изменял, даже при том, что мог позволить себе что-то более трендовое и дорогое. Вот и теперь, почувствовав, как тело Патрика прижимается

к моему, я закрыла глаза и напомнила себе, что пора бы его отпустить – сделать это было почти невозможно.

Все еще стиснутая в объятиях Патрика, я заставила себя открыть глаза. И тут же встретила с глазами Алекса, посмотрев на него из-за плеча своего экс-возлюбленного. Очнувшись от этого пронизательного взора, я быстро потрепала Патрика по спине и отпрянула от него, надеясь, что мои затвердевшие соски не сильно выпирали сквозь футболку, а мои щеки были не такими красными, как мне казалось.

Патрик схватил меня за запястье прежде, чем мне удалось отойти от него на почтительное расстояние.

– Останься хоть ненадолго. Сегодня воскресенье.

– Патрик...

Но он не отпускал меня.

– Алекс, скажи Лив, что она должна остаться!

– Оливия, ты должна остаться, – улыбнулся все еще нависавший над столешницей

Алекс.

Я расплылась в ответной улыбке, а потом повернулась и хорошенько, от души толкнула Патрика в бок.

– У меня своя жизнь, дружище.

Тот усмехнулся.

– И что же ты собираешься делать сегодня? Шататься по своей холодной квартире и возиться со своими снимками? Кстати, Лив – фотограф, – добавил он для сведения Алекса, тоже шутливо пихнув меня под ребра.

– Круто. Что фотографируешь?

– Все! – бросила я через плечо, пытаюсь отпрыгнуть подальше от загребущих ручонок

Патрика.

Я посмотрела на друга – твердо, решительно. Вчера вечером он советовал мне избегать Алекса с таким пылом, с такой настойчивостью, будто от этого зависело бессмертие моей души, а теперь умолял провалить дурака весь день. Конечно, он часто убеждал меня остаться в гостях дольше, чем я собиралась, и я почти всегда позволяла ему себя уговорить. Но меня действительно ждала работа в студии, которая, увы, не могла сама почиститься и покраситься и которой, к сожалению, слишком сильно пренебрегали с тех пор, как я купила ее шесть месяцев назад.

– Патрик...

Осознание того, что он ловко манипулирует мной, ничуть не облегчало мое сопротивление его уговорам. Когда Патрик воззрился на меня, состроив хорошо знакомую недовольную гримаску, каждый раз подтачивавшую мою решимость, я обреченно вздохнула. И взглянула на Алекса: он наблюдал за нами со странным выражением лица, которое я могла бы назвать заинтригованным.

– Алекс печет блинчики, – напомнил Патрик.

Я смотрела на Патрика. Тот смотрел на Алекса. А Алекс... Алекс смотрел на меня.

– Пеку, – сказал он. – И мне это действительно хорошо удается.

Что ж, я знала достаточно, чтобы признать свое поражение.

– Хорошо, только я первой приму душ, и мне плевать, если у тебя закончится горячая вода, – обратилась я к Патрику, который ухмыльнулся, как делал всегда, когда добивался своего.

Наверху я наткнулась на Тедди, выходящего из своей спальни.

– Задержишься хоть ненадолго?

Другому человеку, возможно, был бы ненавистен тот факт, что я все еще остаюсь немалой частью жизни Патрика, – но только не Тедди. С другой стороны, я никогда не видела,

чтобы он что-нибудь или кого-нибудь ненавидел. Тедди слыл оптимистом, он безоговорочно верил во всю эту хрень насчет того, что, если жизнь дает тебе лимоны, нужно делать лимонад.

– Да. Но совсем ненадолго. Мне и правда нужно вернуться домой сегодня вечером.

Тедди засмеялся:

– Тебе стоит переехать поближе к нам, Лив. Тогда не пришлось бы так долго добираться отсюда.

Я закатила глаза:

– Ты такой же неугомонный, как он! Аннвилл всего в полчаса езды отсюда, и не о чем так громко сокрушаться!

Всю свою жизнь Тедди провел в Центральной Пенсильвании, месте, где переправа через реку Саскуэханна представлялась входом в неизведанный новый мир. Он усмехнулся:

– Но это Аннвилл!

– Пуфф... – Я махнула рукой. – Я собираюсь ополоснуться. Слышала, там блинчики на подходе.

Тедди мечтательно погладил свой живот:

– Ням-ням! Блинчиками, полагаю, занимается гость, а не наш обожаемый Патрик.

К слову сказать, Патрик никогда не готовил.

– Ну да. Эй, Тедди... – Я помедлила и прислонилась спиной к дверному косяку своей комнаты. – Кстати, что там с ним за история?

– С Алексом?

– Да.

Тедди подал плечами, и его улыбка стала чуть-чуть, самую малость натянутой.

– Он – друг Патрика. Ему нужно было где-то перекантоваться. Он просто останется здесь еще на несколько дней. Приятный парень.

Этот ответ лежал на поверхности, немного банальщины, ничего не значащей чепухи под девизом «не собираюсь поднимать определенные темы». Смысл же моего вопроса заключался в том, с какой стати Патрик решил, что имеет полное право интересоваться моей личной жизнью – или ее отсутствием. В конечном счете я лишь пожалала плечами, потому что иногда стоит просто отбросить вопросы, на которые нет ответов.

– Пойду в душ, – сказала я, и Тедди предоставил меня самой себе.

Спустя сорок пять минут, когда мой желудок был до отказа набит блинчиками, копченой индейкой и отличным крепким кофе, я пыталась надрать Алексу задницу в музыкальной видеоигре Dance Dance Revolution⁵ – и явно терпела в этом обидное фиаско.

Я побила Тедди, Патрик оказался равным мне по силе соперником, но Алекс... он был суперзвездой.

– У меня уже ноги скользят по платформе, – пожаловалась я, основательно запыхавшись.

– Я перейду на продвинутый уровень, – предложил Алекс с озорным огоньком в глазах. Казалось, он уже победоносно потирал руки и покручивал воображаемые усы. – А ты можешь остаться на основном.

Я не собиралась отвергать это заманчивое предложение.

– Ты начинаешь.

⁵ «Dance Dance Revolution» – музыкальная видеоигра, происходящая на танцевальной платформе с четырьмя панелями (вверх, вниз, влево, вправо). Во время исполнения песни на экране последовательно перемещаются стрелки, соответствующие звучащему ритму. Игрок должен нажимать ногами в такт песне, стараясь успеть за музыкой.

– Я знал, что мне не следовало позволять тебе вступать в игру, – прокомментировал Патрик со своего места на диване, где читал толстый роман в мягкой обложке.

Прозвучавшее в тоне хозяина дома заботливое изумление заставило меня взглянуть на него, пока Алекс возился с беспроводным контроллером, чтобы изменить параметры настройки. Патрик, укутанный в тяжелое пуховое одеяло, вернулся к своей книге. Тедди испарился, очевидно направившись наверх, играть в симуляторы на своем компьютере. Ну а мы с Алексом сражались в Dance Dance Revolution. Это была картина ленивого воскресного блаженства. Так почему же у меня внезапно появилось чувство, будто все происходящее... неправильно?

– Оливия?

Я обернулась на вопрос Алекса и одарила его улыбкой, которая наверняка выглядела фальшиво.

– Да. Я готова.

Он едва заметно наклонил голову.

– Не хочешь ненадолго прерваться?

Патрик, должно быть, услышал в тоне Алекса беспокойство, потому что снова поднял глаза от книги.

– Что случилось?

– Ничего. – Я махнула рукой. – Слишком много блинчиков. Поехали.

Алекс сменил свои пижамные штаны с мордочками «Хелло Китти» на пару линялых джинсов и футболку с длинными рукавами, но его ноги оставались босыми. Он поставил одну ступню на танцевальную платформу, но медлил, не включая следующую песню. Так и стоял, переводя взгляд с меня на Патрика.

– Ну, хорошо. Если ты уверена...

– Уверена. Поехали.

Но у меня не было ни малейшего шанса превзойти Алекса, даже с разными настройками уровней, что по идее должно было сыграть мне на руку. Я была расстроена внезапно, нежданно нахлынувшей волной ностальгии и чем-то еще – чем-то, чего я не могла постичь. Мое выступление было просто отстойным.

– Думаю, ты нарочно мне поддалась и позволила выиграть, – констатировал Алекс.

Патрик усмехнулся со своего дивана:

– Оливия никогда никому не позволяет выигрывать. Так что прими свою победу с достоинством и от души наслались ею.

Я искоса взглянула на Патрика. В его поддразнивании было зерно истины, то, что частично объясняло мое испортившееся настроение.

– Мне пора ехать.

Мои слова привлекли внимание Патрика, и он воззрился на меня:

– Сейчас? Я-то надеялся, что ты, по крайней мере, останешься на обед. Алекс сказал, что он собирается приготовить отбивные из мяса молодого барашка.

Алекс рассмеялся:

– Круто придумано, чувак!

Я посмотрела на него:

– Теперь ты знаешь настоящую причину, по которой Патрик разрешил тебе остаться.

В моей шутке тоже была доля правды, но Патрика, судя по всему, это не заботило.

– Все в порядке. Я люблю готовить, – отозвался Алекс.

Громкая музыка игры все еще продолжала реветь фоном, хотя я не могла винить ее в своей медленно наползавшей головной боли. Я снова взглянула на Патрика, удобно расположившегося на диване со своей книгой в окружении друзей, рвущихся угождать ему. Готовых давать ему все, что бы он ни захотел. Иногда Патрик сильно меня раздражал, время от

времени, не чаще, чем остальные. Я довольно давно не чувствовала злости на своего бывшего парня, но сейчас вдруг вспомнила, каково это – ненавидеть его.

– Не сомневаюсь, эти отбивные будут очень вкусными, Алекс, но я не могу остаться. Было приятно познакомиться. – Я потянулась к его руке, он взял мою ладонь. Крепко пожал ее и выпустил.

Потом положил руки себе на бедра.

– Может быть, как-нибудь снова увидимся.

– Что ж, Алекс, если ты когда-нибудь вернешься, чтобы навестить Патрика, уверена, обязательно встретимся. – Я уже повернулась, чтобы уйти.

– На самом деле я пока остаюсь в этом районе. Получил еще одну консалтинговую работу. Правда, это краткосрочное задание.

Я помедлила. Патрик поднял глаза и отложил книгу.

– Ты мне об этом не говорил.

– Мой контракт с «Херши фудс» недавно продлили, – объяснил Алекс. – Я останусь здесь месяцев на шесть. Возможно, восемь, в зависимости от ситуации.

Это заставило Патрика насторожиться, и он выпрямился на своем диване.

– Где ты собираешься остановиться?

– Не здесь, не волнуйся, – рассмеялся Алекс. – Я забронировал номер в отеле «Херши» на неделю, но я ищу жилье, которое мог бы снять на оставшееся время.

В моих ушах вдруг зазвучал стук каблуков по дощатому полу, эхом отзывавшийся в пока еще почти пустых апартаментах, предназначенных под фотостудию. Одновременно я услышала призывное звяканье монеток в кассовом аппарате.

– У меня есть место, которое может тебя заинтересовать.

Оба как по команде уставились на меня. Брови Патрика вопросительно поднялись. Алекс смотрел по-деловому, оценивающе.

– Я купила одно строение, – пришлось объяснить мне. – Здание старой пожарной части. Я живу на втором этаже, а помещение на первом свободно и частично меблировано.

– Ты же говорила мне, что не хочешь иметь дело с трудностями, которые обычно испытывают владельцы недвижимости. – Тон Патрика, в котором едва заметно сквозил упрек, заставил меня невольно скривить губу.

Что же касается Алекса, то его взгляд пометался вперед-назад между нами, прежде чем уголки губ дрогнули и потянулись вверх в едва заметной улыбке.

– Где это твое место, Оливия?

– В Аннвилле.

– В тьмутаракани, – припечатал Патрик одновременно со мной.

– В Аннвилле, – повторила я, – это примерно в двадцати минутах езды от «Херши». Столько же, сколько отсюда.

– Звучит здорово. Когда я смогу посмотреть это жилье?

– А что, если прямо сейчас?

Алекс улыбнулся:

– Прекрасно.

Глава 3

Машина Алекса оказалась более дерьмовой, чем я ожидала. Прошлой ночью я и не заметила седан цвета детской неожиданности, припаркованный вдоль улицы перед домом Патрика. Возможно, это «чудо техники» лучше выглядело под покровом темноты.

– Взял напрокат, – объяснил Алекс, когда я в изумлении уставилась на машину.

Свой собственный автомобиль я, пользуясь привилегиями лучшей подружки, оставила на узкой подъездной дорожке Патрика и Тедди, перед гаражом.

– Моя машина позади дома. Я выведу ее, ты пропустишь меня вперед и сможешь поехать следом. О, и дай мне номер своего мобильного на тот случай, если мы потеряем друг друга.

У Алекса был паршивый автомобиль, но очень-очень хороший, просто превосходный новенький айфон, последняя модель.

– Да, и мне тоже нужно записать твой номер.

В этом обмене контактами не было ничего странного. Черт возьми, даже случайные знакомые, посторонние друг другу люди частенько обменивались телефонами. Общение при помощи СМС давно заменило обычные беседы лицом к лицу. Похоже, недалеко те времена, когда мы все вживим в наши головы чипы и перестанем покидать свои дома. Но, даже если и так, процесс забивания его длинного и незнакомого номера в свой телефон по чему-то показался мне интимным, чрезвычайно важным – словно я делаю нечто, имеющее значение для всей моей жизни.

– Ну а теперь, – сказал Алекс, наводя на меня камеру телефона, – улыбочку!

– О, ты не...

Но протестовать было слишком поздно: он уже сделал снимок и показал мне фото на дисплее, которое отныне заняло место в списке контактов. На снимке я улыбалась, голова была повернута вполоборота, и свет оказался лучше, чем подумалось, – в общем и целом картинка получилась ясной и четкой. Теперь я была в телефоне Алекса навсегда – или до того момента, пока он не решит удалить мой номер.

Алекс открыл свою машину брелоком с электронным ключом. На моем новом знакомом была черная шерстяная куртка-бушлат с поднятым воротником и длинным полосатым шарфом. С этими взъерошенными волосами и длинными прядями челки Алекс мог быть моделью для рекламного каталога, и я мысленно отщелкала несколько снимков с ним, стоящим на фоне заката, возможно рядом с золотистым ретривером, рекламируя что-нибудь сексуальное типа туалетной воды или стильных дизайнерских солнцезащитных очков. Не то чтобы я получала столь заманчивые заказы по работе, но, кто знает, может быть, когда-нибудь смогла бы...

Алекс поймал мой изучающий взгляд и улыбнулся так, словно давно привык быть объектом всеобщего внимания:

– Готова?

– Угу. Поезжай за мной.

Он положил руку на сердце и слегка поклонился.

– С тобой – хоть на край света.

Мой рот удивленно открылся, оттуда уже готовы были вырваться легкомысленные слова, но по непонятной причине они застыли на языке, и все, что я могла сделать, – это просто улыбнуться. Давненько мужчина не лишал меня дара речи одной лишь простой усмешкой и несколькими шутливыми словами! Неудивительно, что Патрик так советовал мне держаться от этого красавчика подальше. Алекс Кеннеди действительно был ходячей проблемой – к несчастью, самой лучшей из всех, которые только могли меня подстеречь.

А еще ему не нравились девушки, напомнила я себе.

– Я буду в серебристой «шевроле импала».

Всю дорогу я внимательно следила за Алексом в зеркало заднего вида, но он без труда объезжал редко встречавшиеся на дороге автомобили и не отставал от меня. Мы въехали в узкий переулок рядом с трехэтажным зданием, которое когда-то было пожарной частью на главной улице Аннвилла, и припарковались на свободном пятачке за ним. Алекс выбрался из машины раньше меня и откинул голову назад, чтобы рассмотреть дом.

– Очень мило.

Я ощутила прилив гордости, когда мы целую минуту пялились на заднюю стену кирпичного здания. Железная пожарная лестница выглядела не слишком привлекательно, но даже при этом дом производил впечатление. И всем этим владела я. Подумать только: вот это внушительное здание – и только мое!

– Значит, это и есть Аннвилл, – сказал Алекс.

Какая-то машина медленно проползла по переулку, случайно пнув валявшуюся на дороге ничейную пустую сумку из продуктового магазина. Я тут же подхватила ее и выбросила в мусор. Живя в каком-нибудь крупном городе типа Гаррисберга, я бы не озаботилась чем-то подобным, но с момента переезда в маленький Аннвилл мне доставляло удовольствие следить за чистотой.

– Да, это Аннвилл. Во всей своей красе.

Держа руки в карманах, Алекс повернулся кругом, чтобы еще раз окинуть окрестности оценивающим взглядом:

– Приятное местечко.

Засмеявшись, я повернула ключ в замке двери черного хода.

– Это будет нечто, совсем непохожее на твои обычные путешествия по всему свету!

– Отлично. Я вырос в маленьком городе. Не в таком маленьком, как этот, – поправился он, заходя в дом следом за мной и топая ногами по половику. – Но, поверь, меня растили не заядлым путешественником по миру.

Длинный, узкий коридор вел к трехэтажному пространству фойе с широкой деревянной винтовой лестницей справа от нас и дверью в квартиру на первом этаже слева. Прямо перед нами располагались парадная дверь, открывавшаяся на тротуар вдоль главной улицы, и высокие окна, впускавшие много света. Алекс поднял глаза вверх и, улыбнувшись, восхищенно присвистнул.

Я оглянулась на него через плечо, открывая дверь в квартиру:

– Зайди-ка.

Это жилье не было каким-то особенным: гостиная, столовая и кухня, ванная комната и две спальни, причем все это располагалось в бывшем гаражном помещении для пожарных машин. Эта квартира была темнее моей, она не могла похвастать огромными, на два-три этажа окнами, но в потолок били широкие, просто необъятные солнечные лучи, да и удобная планировка оставляла много свободного пространства.

– Ну, что ты об этом думаешь?

Алекс прошелся по квартире, осматривая дощатые полы, покрытые штукатуркой стены. Он опробовал удобный, с мягкими подушками, диванчик для двоих, оставшийся от бывших хозяев, и заглянул на кухню. Я молча наблюдала за ним. Он посмотрел одну спальню, потом – другую и, наконец, ванную. Вся экскурсия заняла примерно семь минут. Обойдя жилище, Алекс обернулся ко мне с довольной ухмылкой:

– Я сниму эту квартиру.

– В самом деле? Может, хочешь осмотреть все не так быстро, а?

– Нет, я уверен. Это лучше, чем ютиться на гостиничной кушетке, – объяснил он. – Мне здесь нравится.

– Ты даже не знаешь цену, – возразила я, хотя и не планировала высоко задира́ть размер платы. В конце концов, жилью явно требовался ремонт, и оставалось только мириться с тем, что это было лучше чем ничего.

– Назови же ее.

Я недолго подумала.

– Четыреста в месяц – годится?

– Продано!

– Мне следовало попросить больше?

Алекс снова огляделся:

– Возможно. Тот диван добавляет квартире немало стоимости. А особенно ценен запах.

– Он ничем не пахнет! – в ужасе вскричала я. – Неужели и правда чем-то воняет?

Он рассмеялся:

– Я же шучу, Оливия! Все просто замечательно. Что ж... ты хочешь плату за первый и последний месяцы проживания? Гарантийный задаток? Мы должны подписать какие-то бумаги?

Я и не думала, что все так серьезно.

– Мм...

Алекс сделал шаг вперед и протянул мне руку. Я думала, что он хочет обменяться энергичным рукопожатием, но он просто взял мою ладонь и долго не отпускал. Затем медленно, улыбаясь, все же пожал ее.

– Возможно, нам стоит просто ударить по рукам.

– Вау! Ну уж нет! Как насчет того, чтобы пропустить эту часть соглашения? – пошутила я. – Достаточно просто внести плату за первый и последний месяцы, если ты располагаешь такими средствами.

– Да, деньги есть. – Алекс еще раз стиснул мою руку и выпустил, потом опять огляделся вокруг. – Когда я могу переехать?

– В любое время, когда захочешь.

– Прекрасно. – Он обернулся ко мне: – Ничего, если на следующей неделе? Мне потребуется время, чтобы все здесь обустроить, перевезти вещи. Купить кровать. И все в таком духе.

– Идет! А я закажу для тебя дубликаты ключей.

Алекс пристально взглянул на меня.

– Ты уверена, что не нужны рекомендации или что-то подобное?

– Зачем? Потому что ты – ходячая проблема?

Алекс засмеялся:

– Точно. Я такой и есть.

– Я смогу с тобой справиться.

– Нисколько в этом не сомневаюсь. – Желудок Алекса заурчал неожиданно и громко. После сегодняшней блинной оргии я думала, что не захочу есть до завтра, но, естественно, мой собственный живот тут же откликнулся на этот голодный призыв. – Ты позволишь мне пригласить тебя на ужин?

– Сейчас всего три часа дня.

– Тогда на поздний обед, – усмехнулся он. – Куда бы тебе хотелось пойти?

– Алекс... мне и в самом деле нужно немного поработать.

– Ну же, Оливия... – Алекс явно подхалимничал, этот мужик, привыкший к тому, что все и всегда делается так, как он хочет. – Я ведь слышал, как урчит у тебя в животе! Признаться, ты ведь хочешь есть!

Я знала его меньше сорока восьми часов и уже видела, как он выглядит, когда кончает, пробовала приготовленную им еду, позволила ему надрать себе задницу в Dance Dance Revolution, а теперь еще и собиралась практически жить с ним под одной крышей!

А еще я все-таки позволила Алексу пригласить меня на ужин.

Было очень трудно поглощать пищу, все время смеясь, а он упорно не давал мне ни малейшего шанса делать что-нибудь еще. В запасе у Алекса оказалось немало забавных историй, и даже при том, что многие события могли показаться преувеличенными для пущего эффекта, поверить в них было несложно. Мой спутник объездил весь свет, побывал везде и всюду, сделал так много, что я рядом с ним чувствовала себя неотесанной деревенской мышью.

– Откуда же ты взялся, в самом деле? – спросила я, сидя над ломтиками чизкейка и кружками эспрессо. – Как очутился здесь после Японии?

– Фактически я приехал из Голландии. А перед этим был в Сингапуре. А еще ездил в Шотландию.

Я скорчила рожицу:

– Вот хитрозадый! Скажи, ты ведь приехал в Центральную Пенсильванию не только ради того, чтобы навестить Патрика?

– Ладно, так и быть... – Алекс повел плечами. – Во-первых, он действительно пригласил меня, и мне было удобно заехать к нему по дороге домой. Плюс у меня нарисовалась эта работа по консалтингу. Так все и срослось.

– А где твой дом?

– Я из Огайо. Город Сандаски.

– Парк развлечений «Сидер-Пойнт»! – вспомнила я. – Мне доводилось там бывать.

– Да, как раз это место. – Алекс выпил немного эспрессо и откинулся назад в кабинке кафе. На нем все еще красовался длинный шарф, хотя куртка была небрежно скручена и брошена рядом. – Я думал, что вернусь туда на праздники, но, судя по всему, вместо этого останусь здесь.

– Почему?

На этот раз Алекс не просто посмотрел на меня, я ощутила на себе всю тяжесть его пристального взгляда.

– Я не был дома довольно давно. Иногда чем дольше остаешься вдали, тем труднее потом возвращаться.

Я прекрасно понимала, о чем он говорит.

– Да. Думаю, ты прав. Так... ты не ладишь со своей семьей?

Алекс помедлил, глубоко вздохнул. Потом задумчиво поднял бровь.

– Это слишком личное? – спросила я.

– Нет. Просто не знаю, как ответить.

– Ты не должен мне объяснять, – не стала настаивать я.

Он покачал головой:

– Нет, все в порядке. Ты когда-нибудь слышала выражение: «Дом – это место, где, если придется туда вернуться, тебя должны принять»? Или что-то в этом роде?

– Конечно. – Я облизнула зубцы своей вилки и повозила ей в разлитом по тарелке шоколадном сиропе.

– Что ж, тогда позволь лишь сказать, что ко мне относятся скорее как «эй, таким, как ты, не место в нашем доме!».

– Ничего себе! Просто ужас!

– Точно. Так и есть. Я давно перестал ладить со своей семьей. Мой папа был... – Алекс снова помедлил, не решаясь признаться, но все же продолжил, прежде чем я смогла повто-

речь ему, что он не обязан со мной откровенничать: – Он – просто задница. Я хотел сказать, что он был задницей, но, полагаю, он и сейчас такой. Он больше не пьет, но, так или иначе, по-прежнему остается кретином. Думаю, это определение подходит ему лучше всего.

Я сделала последний глоток кофе из своей чашки.

– Но...

– Но он старается. Мне так кажется. Хотя трудно представить, что мы с моим папой однажды помиримся, будем поддерживать дружеские отношения, все эти поездки на рыбалку отца и взрослого сына или нечто подобное...

– Ты никогда не знаешь...

– Знаю, – резко перебил Алекс. – Но, по крайней мере, он разговаривает со мной, когда я звоню домой. И обналичивает чеки, которые я отправляю. Ладно, черт возьми, он всегда так делал.

Алекс рассмеялся. Я последовала его примеру секунду спустя, размышляя о том, что должна была чувствовать себя немного неловко, слушая это признание, но... нет.

– Люди меняются, – обнадежила я.

– Все меняется. – Алекс пожал плечами и отвел взгляд. – Жизнь полна обломов. Как бы то ни было, я долго работал за границей. А несколько лет назад продал свою компанию и особо ничем уже не занимался, бездельничал. На лето я вернулся домой и... твою мать!

Резкое выражение, слетевшее с его уст, казалось немного неуместным в нынешних обстоятельствах. Я инстинктивно отшатнулась, оказавшись на краю своего стула. Тем не менее вырвавшееся у Алекса ругательство прозвучало хорошо, значительно, так, словно он хотел этим многое сказать. Должно быть, до этого момента он старательно держал себя в рамках приличий. Мне нравилось думать, что в моей компании он позволил себе расслабиться и быть таким, какой есть.

– Разреши мне ограничиться тем, чтобы сказать: у меня была возможность вспомнить все те причины, по которым я уехал из дома в первый раз. – Алекс привычным резким движением откинул длинные пряди с лица. – Во всяком случае, я получил несколько предложений работы в сфере консалтинга, создал новую компанию. Какое-то время путешествовал, снова оказался за границей. Немного поработал в Японии. Там-то я и познакомился с Патриком. Но работа закончилась, и мне нужно было куда-то уезжать. Тогда-то я и подумал, что лучше отправиться на родину, чем стать чужаком в чужой стране.

– Я люблю эту книгу⁶.

Он взглянул на меня:

– Я тоже.

– Так что же, ты, выходит, вообще толком не работаешь? Просто едешь куда хочешь, когда душа пожелает?

– Сплю на самых разнообразных диванах. – Алекс помедлил, чтобы откусить чизкейк. – Я – разновидность профессионального приживальщика.

– Это звучит... – Я рассмеялась.

Он захохотал следом за мной:

– Дерьмово?

– Есть немного.

Алекс пожал плечами:

– Я умею причинять себе боль, злоупотребляя чужим гостеприимством.

– Мне кажется, это на тебя совсем не похоже. – Я вспомнила, как лихо он хозяйничал на кухне Патрика, чувствуя себя как дома, но не переступая границы дозволенного. – Кроме того, люди не приглашали бы тебя остаться, если бы не любили тебя.

⁶ Имеется в виду фантастический роман Роберта Хайнлайна «Чужак в чужой стране».

Алекс задумчиво поковырял вилкой в чизкейке, не отрывая сосредоточенного взгляда от тарелки.

– Конечно. Я тоже так считаю. Но теперь мне больше не нужно об этом волноваться, не так ли?

Эти слова заставили мои щеки вспыхнуть, и я не смогла сдержать широкую улыбку.

– Думаю, да. Плата за первый и последний месяцы у меня в кармане, и добрая ее часть уже потрачена.

– Тогда, выходит, ты не угощаешь меня ужином. – Он потянулся вперед и вонзил свою вилку в последний кусок моего чизкейка. Странно: я выцарапала бы глаза любому, кто посмел бы сделать нечто подобное, но сейчас я могла лишь посмеяться над ним.

– Ничего не выйдет. Это ведь ты пригласил меня!

Не думаю, что можно узнать кого-то всего за пару дней, за несколько часов. Я и не обольщалась, что узнала тогда Алекса, независимо от того, что видела или говорила. Но в тот момент я почему-то поверила, что могу его узнать. И даже больше – я поняла, что хочу этого.

– Все верно, я приглашал. Человек, который приглашает, всегда должен платить за того, с кем у него свидание.

Алекс поднял на меня темные глаза, ухмыльнулся нежным ртом, а я еще раз поймала себя на том, что потеряла дар речи, – и опять стала задаваться вопросом, как ему удалось сразить меня одним-единственным мимолетным взглядом.

– Что ж, – сказал Алекс, поднимаясь из-за стола, – пора уходить.

И я направилась следом за ним.

Первым знаком того, что Алекс действительно собрался переезжать, оказалась незнакомая машина на моем парковочном месте. Это был не то чтобы какой-то новый автомобиль, а просто... вау! Ярко-желтый «камаро» с черной отделкой!.. Совсем не то, что я выбрала бы для своего нового соседа снизу. Эта машина выглядела так, будто перенеслась сюда из второй половины восьмидесятых, – единственной причиной, по которой я могла так подумать, было то, что мой брат, Берт, слыл ярким фанатом мощных, так называемых «мускулистых» автомобилей и часто рассуждал о них в самой что ни на есть поэтичной манере.

Я припарковалась рядом и вылезла из своей машины, чтобы как следует рассмотреть «железного коня». Автомобиль сам по себе был в хорошем, но отнюдь не идеальном состоянии, интерьер казался довольно потертым. И определенно данный экземпляр не мог претендовать на роль музейного экспоната. Это было скорее мужиковатое, катящееся вразвалочку, изрыгающее клубы дыма при разгоне существо.

И мне оно нравилось.

Прошло всего несколько дней с тех пор, как мы скрепили сделку, так и не ударив по рукам – в буквальном смысле, разумеется, – и я потратила наличные, которые дал мне Алекс, на благие цели: купила еду и оплатила несколько счетов, а еще добавила денег на новый фотопринтер, не слишком нужный, но отчаянно желанный. Я не виделась с Алексом с воскресенья, хотя он оставил сообщение на моей голосовой почте, предупредив, что начнет переезжать где-нибудь на этой неделе. Судя по машине и коробкам, сложенным перед входной дверью, начало переезду было положено.

Дверца машины Алекса распахнулась, когда моя нога оказалась на первой ступеньке лестницы, и я обернулась, поставив тяжелый ящик с принтером на перила, чтобы дать отдых рукам.

– Привет.

– Оливия! – Его голос сочился, словно теплая и тягучая карамель, мягкая, вкусная... – Эй, я могу помочь?

Я могла бы сказать «нет», если бы не была такой глупой и не пыталась унести за один присест не только принтер, но и три сумки с продуктами. Мои руки уже дрожали от тяжести.

– Да, было бы здорово! Можешь прихватить...

Он уже забрал тяжелую коробку из моих рук.

– Ага, взял. Иди первой.

Я взяла полиэтиленовые пакеты в руки и направилась по лестнице к своей собственной двери, потом отперла и распахнула ее.

– Спасибо. Можешь поставить коробку вон там, на комод у подножия лестницы.

Я показала на один из дюжины комодов, которые собирала по комиссионкам и мебельным магазинам. Патрик называл это фетишем, я же – практичным использованием пространства и умелым сбором вторсырья. Тот комод, который я имела в виду, был длинным и низким, примерно до середины моего бедра. Я покрыла его коллажем из статей и снимков, вырезанных из внушительного запаса журналов по искусству фотографии, на которые я уже не была подписана. Этот комод стоял прямо у стены, у железной спиральной лестницы, ведущей на чердак и по вине этого обстоятельства заваленной всяческим барахлом, которое я хотела поднять наверх – и, разумеется, совершенно забыла об этом.

Алекс поставил коробку рядом со стопкой романов в твердом переплете, которые я купила по дешевке на распродаже серий книг – и которые мне все недосуг было разобрать.

– Ярая фанатка Джеки Коллинз, да?

Я рассмеялась:

– Эй, полегче! Некоторые книги плохи, потому что они плохи. А некоторые книги хороши, потому что они плохи.

Он обернулся ко мне через плечо:

– С людьми то же самое.

Прежде чем я смогла ответить, Алекс сделал шаг назад и закинул голову, чтобы рассмотреть винтовую лестницу, его руки уперлись в бедра.

– А что там, наверху?

– Всего-навсего чердак.

– Я могу его осмотреть?

– Конечно. – И поплелась следом за ним по винтовой лестнице.

Когда Алекс оказался на самом верху, с его уст слетел тихий, восторженный свист:

– Просто великолепно!

Перед нами предстало открытое пространство, в нижней части чердака оно казалось довольно большим, но скошенный потолок мешал свободно расставить мебель. И все же я умудрилась превратить чердак в уютное и приятное для глаза местечко, ограничившись малыми средствами – кучей рухляди из комиссионки и подобранным чуть ли не на помойке хламом: угловой секцией разборной мебели, прежде стоявшей в вестибюле гостиницы, низким журнальным столиком и множеством подушек. Высоченные, во всю стену, окна были разделены пополам нависавшими за несколько дюймов от потолка мансардными балками, на которые я повесила прозрачные цветные занавески и украсила нитками бус. В углу висел дешевый бумажный фонарь из «Икеа».

– Я здесь читаю.

Маленький размер помещения не позволял заниматься тут чем-нибудь еще.

Ступив в самый центр чердака, Алекс рефлексивно пригнулся. Он не рисковал удариться головой, но низкий потолок невольно наводил на подобные мысли. С усмешкой глянув на меня через плечо, Алекс опустился на угловой диван и немного попружинил на нем, потом удобно растянулся, положив руки на затылок, а ноги – прямо на стол.

– Потрясающе! – Он посмотрел на грудку книг, сложенных на полу рядом с диваном. – И тут Джеки?

– Наверное. – Я склонила голову набок, пытаясь прочитать названия. Много научной фантастики, немало любовных романов, несколько детективных, с элементами мистики историй. – Думаю, тут на любой вкус найдется.

Алекс взял книгу, лежавшую на самом верху стопки:

– Роберт Маккаммон?

– «Песня Сван». Ты читал?

Он покачал головой:

– Нет. А стоит?

– Жуткая история, – объяснила я. – Можешь взять на время почитать, если хочешь.

Снова усмехнувшись, Алекс сжал книгу в руке и поднялся.

– Спасибо.

Мой новый сосед был высоким, но не крупным, не широким, скорее стройным. И все же ему отчаянно не хватало места на узком чердаке. Чтобы выбраться из этого уютного закутка, он вытянул руку вверх, крепко оперся ею о потолок, все его тело напряглось. Бедро опустилось вниз, колено подогнулось. А я снова представила, как фотографирую Алекса для каталога. Такие лица, как у него, могли убедить людей, что им непременно нужна вот эта штукавина из рекламы – хотя они не могли позволить себе такую покупку и явно в ней не нуждались.

– Что ж, мне пора вниз, – помолчав несколько секунд, сказал Алекс.

– Много распаковывать? – бросила я через плечо, когда он последовал за мной вниз по лестнице.

– Мм... нет, – рассмеялся Алекс. – У меня не так много хлама.

– Зато у тебя новое средство передвижения. Я видела там, внизу.

Он опять захихикал:

– О да! Офигительный Бамблби!⁷ Что тут можно сказать? Я впервые испытал эрекцию, посмотрев «Трансформеры».

– Мне кажется, этот сериал лучше, чем «Яркая радуга». Или «Смурфы».

Мы расхохотались уже вместе, и Алекс еще раз осмотрел мои владения. Планировка квартиры, которую занимала я, немного отличалась от его жилища, у меня было гораздо больше свободного пространства и потолки выше плюс чердак. Кроме того, у меня было светлее.

– Приятное местечко.

– Благодарю. Увы, я не могу приписать этот дом себе в заслуги. Когда я купила здание бывшей пожарной части, оно уже было переделано под квартиры. Эй, не хочешь ли горячего чаю? Я как раз купила немного чая со специями.

– Было бы замечательно!

Я оставила Алекса, чтобы он мог освоиться на новом месте, пока я вскипячу воду и разложу купленные продукты. Я несколько не сомневалась, что обживется он здесь быстро, и, хотя была склонна беречь свое уединение, мысль о наличии соседа не приводила меня в ужас – скорее наоборот. К тому моменту, как я вышла из кухни с двумя кружками дымящегося чая, Алекс уже совершил подробную экскурсию по моим апартаментам.

– Это все ты снимала? – Алекс потянулся к кружке, не глядя на меня, его взор сосредоточился на фотографиях, которые я развесила в обычных, без паспарту, строгих стеклянных рамках.

– Да.

⁷ Бамблби (Шершень) – вымышленный персонаж мультсериала «Трансформеры» с желто-черной окраской корпуса.

Мы принялись изучать снимки вместе. Я грела руки о свою кружку. Алекс сделал глоток горячего чая. Он погрузился в молчание – так надолго, что я даже начала нервничать, словно хотела прервать затянувшуюся паузу. Должна была ее прервать. И все же я предпочла прикусить язык, решив не спрашивать Алекса о том, что он думает о моих работах.

– Вот. – Он показал на любительскую, случайную фотографию, изображавшую нас с Патриком. – Это снимала не ты.

– Ах, это! Нет. – Я повесила это фото на стену, потому что оно было самым любимым. Отнюдь не профессиональный и качественный снимок нас вместе, еще в стародавние, счастливые времена. Мы с Патриком держались за руки, моя голова покоилась на его плече. Мы выглядели как обычная гетеросексуальная пара.

Алекс отхлебнул еще чая.

– Думаю, мне придется это снять, – сказала я, хотя даже не шелохнулась, чтобы сделать это.

Он внимательно посмотрел на меня.

– Почему?

– Ну... потому что... это – ложь. – Не ожидала, что у меня вырвется такое объяснение, однако, произнеся эти слова, я почувствовала себя легче. – Эта фотография ненастоящая. Она никогда не была реальной.

Алекс вручил мне свою кружку, и я автоматически взяла ее. Когда он потянулся вверх и снял снимок в раме с крючка, с моих губ неожиданно сорвался протестующий звук. Алекс взглянул на меня и сделал шаг назад, туда, где располагался мой обеденный стол. Наконец он положил снимок на стол лицевой стороной вниз.

– Что ж, вот мы его и сняли. – Мой сосед потянулся за кружкой, которую я ему тут же отдала. – Теперь чувствуешь себя лучше?

– Нет. – Из моей груди вырвался нервный смешок. – Но спасибо.

– Скажи-ка, а какие у тебя планы на сегодняшний вечер? Сегодня ведь пятница. Наверняка ты собираешься куда-нибудь пойти.

Завтра утром, с утра пораньше, меня ждала работа для «Фото Фолкс».

– Нет, как ни странно, никаких планов.

– Я взял напрокат несколько фильмов. И, как последний кретин, забыл, что у меня еще нет своего собственного телевизора.

– А! И ты собираешься пригласить меня за компанию, чтобы воспользоваться моим?

– Мне очень стыдно подтверждать твои слова, но это – чистая правда.

Я неспешно отпила из своей кружки, притворяясь, будто обдумываю его предложение.

– Что ты взял?

– Новую серию «Трансформеров». А еще «Гарольд и Мод».

– Вау, ничего себе выбор, прямо все в одном духе! – прыснула я. – Но я еще не видела новых «Трансформеров», а «Гарольд и Мод» не смотрела тысячу лет! Ладно, договорились. Я разрешу тебе воспользоваться моим телевизором.

– Я куплю пиццу, как тебе?

– Звучит неплохо.

Мы договорились встретиться позже, и в шесть часов вечера Алекс появился с огромной пиццей из расположенной вниз по улице забегаловки в одной руке и пачкой DVD-дисков в другой. Я никак не подготовилась к совместному времяпрепровождению, лишь сменила одежду на годящиеся только для пятничного домашнего вечера треники и футболку. Зато мой сосед принял душ и побрился, с его прибытием в дверь вплыло восхитительное облако чеснока с пиццы и мужской туалетной воды. В этот момент невольно подумалось, что стоило приложить чуть больше усилий, чтобы привести себя в порядок.

– Ужин при свечах? – осведомился Алекс, оглядывая освещенное жилище и кладя пищу на обеденный стол.

– О... нет. Это не для романтического настроения.

Я привыкла зажигать свечи в пятницу вечером, когда не шаталась где-то и оставалась дома. Эта традиция пошла у меня с детства, когда мама считала очень важным зажигать свечи именно в этот день недели, хотя такая традиция была чуть ли не единственным ее способом соблюдать Шаббат⁸. С тех пор многое изменилось, и теперь жизнь мамы вращалась вокруг религии.

Алекс с недоумением взглянул на меня:

– Ты что, иудейка?

Меня не удивила его догадка: такой заядлый путешественник наверняка сталкивался с евреями, пока колесил по свету.

– Не совсем. Но что-то вроде этого.

– Да ладно...

Смутившись, я засмеялась.

– Это все слишком сложно.

– Понятно. Это не мое дело. – Он бросил взгляд на свечи. – В любом случае, они очень красивые.

– Спасибо. Эти подсвечники дала мне мама. Ей вряд ли известно, что я ими пользуюсь.

По крайней мере, я никогда ей об этом не говорила. Что я могу предложить тебе выпить?

Алекс сразу понял мой намек, но благоразумно отказался от алкоголя:

– Лучше воды.

– Уверен? У меня есть красное вино. И даже в бутылке, не в коробке.

Он состроил смешную гримасу, словно был впечатлен моим предложением.

– Замечательно. Но – нет, спасибо.

– Не возражаешь, если я немного выпью?

Мой вопрос, похоже, удивил его.

– Нет, конечно нет. Это твой дом.

Алекс оказался достаточно деликатным, чтобы не настаивать на обсуждении темы религии, я с тем же почтением отнеслась к его отказу от спиртного. Мы разложили куски пиццы по тарелкам и поели перед телевизором, пока трансформеры все время что-то взрывали, а Гарольд влюблялся в Мод. Мы много смеялись и обсуждали фильмы. Наши ноги время от времени сталкивались, хотя сидели мы в разных концах дивана.

Это был самый приятный вечер за довольно долгое время, и я не преминула сказать об этом Алексу.

– Тогда хватит, вали-ка отсюда! – хохотнул он, легонько хлопнув меня по плечу.

– Я серьезно!

– Ладно, хорошо. Я рад.

Несколько бокалов красного вина подняли настроение, но и основательно утомили меня.

– Это так мило: просто болтать с тобой, Алекс. Никакого давления, никакой неловкости. Никакой дурацкой скачки взад-вперед по кровати.

Он притих на несколько секунд, пока по экрану бежали титры.

– Спасибо. Мне тоже понравилось тусоваться с тобой.

Я зевнула, прикрыв рот ладонью.

– Но уже поздно, а мне завтра утром рано вставать.

⁸ Одним из неотъемлемых атрибутов встречи Шаббата (дня святости для иудеев, в который предписывается воздерживаться от любой работы) являются зажженные свечи.

– Работа?

– Ага. Думай обо мне, пока будешь дремать утром, свернувшись калачиком под одеялами.

Алекс рассмеялся и встал, потом протянул руку и помог мне подняться.

– О! Уверен, так и будет!

Наши пальцы на мгновение соединились, но мой новый приятель быстро выпустил мою руку. Я застыла на месте, наблюдая, как он нажал на кнопку, чтобы открыть DVD-плеер, и, вытащив взятый напрокат диск, засунул его в коробку. Обернувшись, Алекс поймал мой взгляд.

– Нужно обязательно повторить этот вечер, – сказала я. – Было так здорово!

Я не перебрала с алкоголем, но чувствовала себя уставшей, перед глазами все плыло. Мне не удалось четко рассмотреть улыбку Алекса, выражение, застывшее в его глазах, но, похоже, в них читалось что-то вроде изумления. Это было непостижимое ощущение, таившее в себе нечто важное – чувство слишком глубокое, чтобы суметь его разгадать.

– Да, мне тоже очень понравилось. Спокойной ночи, Оливия, – сказал Алекс, однако даже не двинулся к двери.

Настал тот волнительный момент ночи, в который, окажись я с другим мужчиной, обязательно прильнула бы к его губам, и мы слились бы в поцелуе... Черт, в сущности, это был тот самый период времени, когда я уже решила бы, что делать со своим спутником – провести с ним ночь или выставить вон. Но вместо этого мы вдруг одновременно рассмеялись. Алекс все же шагнул к двери. Напряженность – воображаемая мной или действительно висевшая между нами – исчезла.

– Спокойной ночи, Оливия. Увидимся.

– Спокойной ночи, – бросила я вслед Алексу, который уже шагнул за порог. – Пересечемся позже.

Дверь, щелкнув, закрылась за ним. Я собрала мусор со стола и отправила остатки пиццы в холодильник, потом поплелась в ванную, решив сразу принять горячий душ, чтобы не вставать так рано завтра утром. Обычно пар и вода расслабляли меня достаточно, чтобы к моменту выхода из ванной оказаться вялой и обмякшей, готовой для того, чтобы тут же заснуть, – но только не этой ночью.

Мои намыленные руки скользили по коже. Соски затвердели. Томительная боль разлилась между моих ног. Нет, что вы, я совсем не пыталась довести себя до оргазма, рисуя перед мысленным взором лицо Алекса, его длинное, стройное тело... звук его стога. Это вовсе не я плавно водила руками по своим грудям, бедрам и животу, представляя, будто они принадлежат Алексу. И не я, совершенно не я лежала в темноте на своей кровати с раскинутыми ногами, лаская одним пальцем влагилице, а другим – клитор, доводя свое тело до экстаза, представляя, что этим занимается он, Алекс.

Хорошо, не буду врать, всем этим занималась я. И вести себя иначе казалось просто невозможным. Он был красив, сексуален и ближе всех к образу парня, с которым я хотела бы встречаться – впервые за долгие месяцы одиночества. Это само по себе казалось удивительным, ведь множество мужчин приглашали меня на свидания, но весьма немногие впечатляли меня. Но Алекс не интересовался женщинами. Я видела подтверждение этому сама, своими собственными глазами, все понимала даже без предупреждения Патрика.

И все же мое тело готово было уступить, отдаться ему, хотя в сознании лихорадочно роились мысли о том, что это неправильно. Глупо и бесполезно. Мой разум, конечно, знал лучше, но мою «киску» это не заботило. Я скользнула пальцами в самую глубину моей горячей, скользкой плоти и почувствовала, как сжались внутренние мышцы, заставив тело задергаться в чувственных конвульсиях. Мой клитор пульсировал, пока я продолжала давить

на него, поглаживая и постукивая кончиком пальца в медленном темпе. Дразня. Заставляя балансировать на грани блаженства.

Эта сладкая пытка продолжалась до тех пор, пока, наконец, я снова не вспомнила его голос, пока в моем воображении звук его стога без труда слился с моим именем, сложившись в два слова: «Трахни меня». Это напоминало команду, прозвучавшую в сознании, а совсем не грубое восклицание. И в этот самый момент, когда меня подбросило нараставшей волной страстного жара и наслаждения, я захотела, чтобы Алекс сказал мне это на самом деле.

Глава 4

– Я не видел тебя целую вечность, – нахмурился Патрик. – Ты ни разу не перезвонила, и я около четырех дюжин раз пытался связаться с тобой по «Коннекс»⁹, но был проигнорирован и там.

Я повозилась с настройками моей фотокамеры и сделала несколько пробных снимков, щелкнув объективом в никуда.

– Я была слишком занята работой. И даже не заходила в «Коннекс» последнее время. А что это ты так трезвонил?

– Хотел пригласить тебя на нашу новогоднюю вечеринку. Тедди считает меня сумасшедшим, ведь я устраиваю очередную вечеринку так скоро, мы еще от предыдущей не очухались. Но что я могу сказать? Я люблю эти сборища. Кроме того, мне не хочется никуда идти на Новый год, да и в гости нас никто не приглашал. – Патрик пожал плечами. – Так что приходи.

– А что, если у меня свои планы? Повернись немного налево. Приподними чашку. Ну же, давай, Патрик, представь, что ты наслаждаешься этим! – Я посмотрела на него через объектив, чтобы прикинуть границы снимка, который собиралась использовать в рекламе местного кафе. – Я же помню, как восторженно ты выглядишь, когда пересматриваешь телешоу Лоренса Уилка!

– Ну что ты от меня хочешь, чтобы я смотрелся так, словно собираюсь трахнуть эту кружку? – насупился Патрик, но покорно приподнял ее выше и заставил свой красивый рот растянуться в абсолютно притворной усмешке. – Теперь лучше? Так, Оливия! О-о-о, милый кофе, с ума схожу по тебе...

Я щелкнула несколько кадров только для того, чтобы еще немного позлить Патрика, – а он непременно должен был рассердиться при виде того, как смешно выглядит.

– Хватит валять дурака. Ну же, прекрати, эти снимки нужны мне завтра!

– Все у тебя в спешке, вечно не укладываешься в график. – Патрик призывно облизнул кружку.

Я сделала еще один снимок и подумала, что стоит оформить эту фотографию в рамку и подарить другу.

– Эта работа свалилась на меня в последнюю минуту, и я не могу позволить себе отказаться от заказа.

Он стрельнул в меня взглядом, а потом снова надул губки.

– Как тебе?

– Может показаться, что ты страдаешь запором, но – да, так хорошо.

Я наконец-то добилась от Патрика того, что требовалось. Подобная работа не была настоящим искусством, но почему бы не постараться? Патрик поставил кружку на стол, а я принялась переносить фотографии в свой компьютер.

– Ты ведь придешь, правда? И на ужин в пятницу. Ты не была у нас со времен вечеринки. – Он бегло просмотрел альбом с фотографиями, которые я выбрала в качестве лучших своих работ, чтобы выгодно представить потенциальным клиентам. – О, вот эта фотография мне нравится! Почему ты не сделаешь ее больше, Ливви? Она просто великолепна!

Я бросила взгляд на снимок, изображение обнаженной, которое я сделала, когда проходила мастер-класс по фотографии год назад.

– Потому что я – не эротический фотограф, и не хочу заниматься съемками в стиле ню.

– Она – красивая.

⁹ «Коннекс» – социальная сеть.

Я взглянула на него.

– Да. Красивая. Она – модель.

Патрик пролистал еще несколько страниц с фотографиями.

– А еще мне нравится это.

Пейзаж. Ничего особенного. Можно было бы добавить к нему текст и поиграть с размерами, чтобы использовать в буклетах или на веб-сайтах. Я безразлично пожала плечами.

– Ты совершенно не умеешь принимать комплименты.

Я рассмеялась и начала возиться с его фотографиями, которые только что сделала.

– Я лишь хочу зарабатывать на жизнь, занимаясь своим делом, Патрик. У меня нет каких-то грандиозных идей стать известным фотографом. Меня устраивает моя работа. Да. И я получаю заказы. Мне ведь не приходится ставить палатку на уличной ярмарке, чтобы продавать свои снимки, ведь правда?

– Ты могла бы устроить выставку в галерее. Твои работы хороши, ничуть не хуже рекламных постеров, которые висят в центре города. Ты же знаешь, друг одного моего друга...

Остановись, – решительно оборвала его я. – Патрик, я тебя, конечно, люблю, но не собираюсь устраивать выставку в галерее. И, не забывай, я тоже знакома с людьми, которых ты знаешь. Не думаю, что не смогла бы устроить нечто подобное, если бы действительно хотела.

– Тогда почему бы не устроить? – Патрик облокотился на большой деревянный комод, который я откопала среди хлама, брошенного в переулке.

Я подумала было предупредить друга о том, что он испачкает свои модные дизайнерские джинсы, облокотившись о старую деревяшку, но потом отбросила эту мысль. При всех своих привередливости и вычурности Патрик любил прикидываться, будто совсем не такой, особенно когда мы оставались одни и общались, как в те времена, когда были парой. Как в ту пору, когда он вел себя, как ему казалось, «мужественно».

– Почему? Потому что я не хочу. – Я снова равнодушно повела плечами.

– И все-таки тебе стоит это сделать!

Я отвлеклась от компьютера и обернулась, чтобы пристально посмотреть на него.

– Знаешь, пора прекратить эти разговоры!

Патрик – мой парень никогда и палец о палец ради меня не ударил бы. Патрик – мой парень жаждал пользоваться инструментами и заниматься спортом. Помнится, тогда он пукал и рыгал намного больше, чем теперь. Не могу сказать, что сильно расстроилась, когда он решил отказаться от этого образа.

– Ты ведь уже не идешь этим путем, помнишь? – сказала я, бросив взгляд на средний палец Патрика.

Он недовольно фыркнул и вскочил с места.

– Ты придешь на ужин?

Две прошедшие пятницы я провела, смотря кино в компании Алекса.

– У меня могут быть планы.

– Что же такого особенного, спрашивается, ты собираешься делать и неужели это может быть лучше развлечений, еды и напитков у меня дома? – спросил Патрик и немного помедлил, размышляя. – У тебя свидание?

Мне нравится, как ты это говоришь, твое предположение звучит как нечто из разряда фантастики, – вздохнула я, бросая попытки продолжить работу над фотографиями с ним в главной роли. – На самом деле мы с моим новым жильцом, вероятно, будем смотреть «Гордость и предубеждение» производства BBC. Постановку с Колином Фертом.

Чуть не задохнувшись от изумления, Патрик подскочил на месте:

– Что-о-о? Ты... с ним? Но...

Мой друг выглядел таким потрясенным и обиженным, что мне следовало удержаться от смеха, но я не смогла.

– Он никогда не смотрел этот фильм.

– Лив!

– Патрик! – в тон ему передразнила я.

Он укоризненно покачал головой и нахмурился так, что брови опустились низко, нависнув над его голубыми глазами.

– Я знал, что эта идея сдавать ему жилье до добра не доведет.

– А что в этом плохого?

Алекс был великолепным жильцом. Он таскал корзины с мусором к контейнеру за домом, приготовил для меня ужин уже дважды за прошедшую неделю и составлял мне компанию за просмотром старых фильмов. У моего соседа было великолепное чувство юмора, и он слушал музыку не слишком громко. А еще Алекс любил заниматься йогой, причем с голым торсом, и это было своеобразным бонусом ко всем его достоинствам. Я обнаружила, что не могу заснуть ночами, потому что все время думаю об Алексе, но мне не хотелось, чтобы Патрик об этом знал. Сейчас же я говорила о своем жилье слишком тепло, чересчур оживленно, но не сразу заметила это: внимание было сосредоточено на мониторе компьютера, а не на тоне голоса. Молчание Патрика красноречиво указало мне на собственную бестактность, и я поспешила обернуться к нему.

– Ну не будь таким буквой! – бросила я другу.

– Что ж, ты не звонила мне целую неделю, – продолжал обижаться он. – А я-то думал, что ты приедешь в гости, чтобы посмотреть сериал «Сверхъестественное» на большом экране. Ты ведь знаешь, Тедди купил Blu-ray проигрыватель.

– Мне нужно было поработать, Патрик. Я не могу все время забивать на заказы. – Я старалась, чтобы это прозвучало мягко, а получилось раздраженно.

Вероятно, потому, что я и в самом деле чувствовала раздражение.

Патрик молчал, сердито глядя на меня. Он явно ревновал. Осознание этого исторгло из моей груди недоверчивый смешок. Он совершенно не ревновал меня к последним трем парням, с которыми я встречалась, но ревновал сейчас – и к кому?

– О, Патрик...

Мы знали друг друга достаточно хорошо, чтобы обойтись без лишних объяснений некоторых вещей. Он снова нахмурился и топнул ногой.

– Полагаю, в таком случае ты и Рождество собираешься провести с ним?

– Вместо тебя?

Патрик скрестил руки на груди, приняв грозный вид.

– Не забывай, у меня есть семья, Патрик. Мой папа пригласил меня к себе домой, чтобы провести праздники с ним и Марджори. Да и мои братья зазывали в гости.

– И ты собираешься поехать?

– Подумываю. Мы с ними редко видимся.

Братья приглашали меня еще на прошлые праздники, но я вежливо отказалась, не желая ехать в Вайоминг или Иллинойс зимой. Я поверила им обоим, когда они сказали, что будут скучать по мне, но одновременно ни капли не сомневалась в том, что мой отказ не разбил им сердца. В конце концов, мы все давно выросли. У них были семьи. Дети. Наша семья никогда не была чересчур крепкой или излишне разрозненной. И это стало уже привычным – по крайней мере, устраивало всех нас.

– А что насчет твоей мамы?

– Моя мама не празднует Рождество, забыл?

Настал мой черед пристально смотреть на Патрика, мрачно сдвинув брови. Когда мы с ним встречались, вечно спорили по поводу совместного времяпрепровождения. Это была

настоящая проблема – не такая серьезная, конечно, как откровение по поводу того, что он предпочитает колбасу пирожкам тако, но все-таки создающая некоторую напряженность.

– Не могу поверить, что ты готова бортануть меня ради кого-то еще!

– Убирайся! – Я указала на дверь, но Патрик уже успел подскочить ближе и, оказавшись в пределах досягаемости, чмокнул меня. Я не хотела улыбаться или смеяться, но невольно сделала это. – Вон! У меня еще куча работы! Разве Тедди тебя не ждет?

– Тедди всегда меня ждет.

– И, уверена, он уже приготовил ужин, прямо к твоему приходу. Так что не опаздывай, околачиваясь здесь. Все, тебе пора. Иди.

Я уже откровенно прогоняла его. Патрик попытался схватить меня за руку, но у него ничего не вышло.

Мне нравилось, когда бывший парень вел себя вот так, дурачась, как давным-давно, в те времена, когда мы были вместе – еще до того, как нам помешал секс, и Патрик вдруг решил, что ломает свою истинную натуру. Теперь он был совсем другим. Собственно, я тоже изменилась. Но Патрик казался совершенно иным с этими его новыми друзьями, новым партнером. Возможно, именно сейчас он и был «настоящим», но привычка валять дурака так и осталась частью него. Время прошло, старые раны затянулись. Во многих отношениях мы с Патриком стали даже ближе, чем в те времена, когда были парой. Каждой клеточкой своего существа я осознавала, что произошло бы, продолжи мы наши отношения. Если бы мы с Патриком поженились, наверняка оказались бы несчастными и разведенными – или, того хуже, несчастными и неразведенными – менее чем через год. И сейчас я была счастлива, что мой Патрик нашел свое место в этом мире с кем-то, кто любил его так, как он того и заслуживал, как он того и хотел. Я искренне радовалась и нисколько не хандрила, заламывая руки в томительном ожидании своего принца на белом коне. Или, по крайней мере, пыталась не хандрить.

Случалось, я грустила, чувствовала ностальгию – и ненавидела это состояние. Отчасти в печали было повинно время года, эти бесконечные праздники, заставлявшие ощущать себя зажатой между двумя моими разными мирами. Так или иначе, но другой частью этой тоски всегда был... Патрик.

– Только не забывай обо мне, – сказал он.

– О, Патрик... Как будто я когда-либо могла это сделать! – Я встала, чтобы обнять друга и поцеловать его на прощание. Конечно, Патрик совершенно этого не заслуживал, но я не могла сдержать свой искренний порыв. – Все. Тебе пора. У меня дел по горло.

– Звони мне, – не унимался он.

– Я позвоню! Обещаю. А теперь иди!

– Лив...

– Да, мой дорогой? – Слова были ласковыми, но в моем тоне мелькнула горечь.

– Ничего. Не имеет значения, – пробормотал Патрик и вышел, закрыв за собой дверь.

Я повернулась к компьютеру и с головой погрузилась в работу. Это было лучше, чем погружаться во что-нибудь еще – например, в грусть...

Меня воспитывали отнюдь не бестолково, без старомодных моралей.

Напротив, оба моих родителя были частью поколения секса, наркотиков и рок-н-ролла. Фанатами «Грэйтфул Дэд». Я росла в компании взрослых братьев, совершенно не задумывавшихся о том, чтобы ограждать меня от фильмов, которые они смотрели, и музыки, которую они слушали. Я знала о сексе все.

Когда мне было пять, родители развелись, и папа почти тут же снова женился. Его новая жена, Марджори, восторженная последовательница католической церкви Святейшего Сердца, привела с собой в семью двух моих сводных сестер, Синди и Стейси, которые были

старше меня на год или около того. Моя мама упорно оставалась одинокой, она долго не выходила замуж и даже на свидания ходила крайне редко. Родители всегда деликатно решали друг с другом вопрос о том, как делить мое внимание. Никто и никогда не заставлял меня делать сложный выбор, и, хотя в моих отношениях с папой всегда сквозила небольшая неловкость по поводу моего места в его новой семье, это в полной мере компенсировалось абсолютной снисходительностью ко мне со стороны мамы. Мы были лучшими подругами – моя мама и я.

Первый «настоящий» бойфренд появился у меня в четырнадцать, а мастурбацией я впервые занялась годом позже. Большинство моих подруг рассталось с невинностью к тому моменту, как нам исполнилось по шестнадцать, но я предпочла подождать еще один год – прежде, чем распрощалась с девственностью в подвале дома своего тогдашнего парня, на вечеринке по случаю окончания школы его старшим братом. Меня совершенно не испугал тот факт, что он трахнул меня, даже при том, что вскоре после этого мы расстались. Я была достаточно осведомленной, чтобы использовать презерватив, и достаточно разумной, чтобы пройти весь путь до конца с более-менее опытным парнем, способным возбудить меня. Для первого раза все прошло прекрасно, лучше, чем я могла мечтать.

Моя жизнь изменилась в выпускном классе средней школы. Мама, которая питала слабость к струящимся цыганским юбкам и длинным, распущенным волосам, всегда обожала читать. Но в тот год ее выбор книг изменился, и вместо романов Клайва Баркера и Маргарет Этвуд появились толстые, в кожаных переплетах тома Танаха¹⁰ и еврейские журналы. Я и раньше знала об иудаизме, хотя мы никогда не были соблюдающими традиции евреями, а наша религиозность сводилась к вращению дрейдла¹¹. Но теперь... хорошо, все вокруг твердят, что нет ничего лучше восторга новообращенного. Моя мать, рожденная и воспитанная иудейкой, формально новообращенной не считалась, однако была определено в полном восторге.

Внезапно большая часть того, что мы делали вместе как одна семья, исчезла, оказалась выброшенной на помойку вместе с целой кладовкой продуктов, которые мама сочла непригодными для употребления. Она убрала с глаз долой половину посуды, чтобы не пользоваться ею в течение года, – столько времени требовалось, чтобы та снова стала кошерной. Оставшиеся тарелки мама превращала в кошерные, отмывая их кипятком, а еще перестала держать в доме мясо.

Мы вдруг стали евреями и вегетарианцами. Подумать только, а ведь до этого мама была по-настоящему плотоядной! Я еще могла бы смириться с традиционными пятничными ужинами: зажженные свечи, испеченная хала... Но отказаться от чизбургеров? Это было выше моих сил.

Я переехала жить к папе и Марджори, которая, конечно, приютила, но не особо пыталась скрыть свое отношение ко мне – как к тяжкому бремени. Однажды мы собрались попить кофе, и я случайно услышала, как Марджори шептала своей подруге: оказывается, принимать меня в своем доме было ее долгом. Ее христианским долгом. Марджори больше беспокоило то, что я оказалась некрещеной, чем тот факт, что я – темнокожая. И это было совсем неплохо: в конце концов, всегда существовала вероятность того, что я приму Иисуса Христа в качестве своего Спасителя, но я никогда не смогла бы изменить цвет своей кожи.

Я любила своего папу, поэтому не возражала против необходимости делить ванную с моими сводными сестрами и обитать в маленькой сырой спальне, расположенной в подвале дома. Я не возражала против молитв перед приемами пищи, ведь отец с его новой женой, по крайней мере, давали мне достаточно бекона... о-о-о-о, этого восхитительного бекона!

¹⁰ Танах – Священное Писание иудаизма.

¹¹ Дрейдл – четырехгранный волчок, с которым дети играют во время Хануки.

Каждое утро у меня была яичница с беконом. Я даже не возражала против частых посещений церкви, потому что мальчики, прислуживавшие в алтаре, были очень симпатичными.

Моей матери все это не нравилось, но она твердо следовала своим собственным курсом, откровенно закрывая глаза на мое поведение. Пока я оставалась с мамой на праздники, которые она хотела отмечать, ее не заботило то, чем я занимаюсь оставшуюся часть времени. Если я проводила праздничный день с мамой, зажигая менору, она спокойно относилась к тому, что потом я отправлялась домой к папе, чтобы наполнять подарками рождественские чулки. У меня хватало ума не рассказывать матери о религиозной молодежной организации, к которой Марджори уговаривала меня присоединиться, или о том, как папа намекнул, что неплохо бы мне принять крещение.

Я избежала спасения души, отправившись в колледж. Там, будучи на втором курсе, я познакомилась с Патриком. Он жил в моем студенческом общежитии, и в момент нашей встречи, когда этот симпатяга улыбнулся мне, я решила: парень – просто душка! Высокий, светловолосый, румяный и... католик. Причем яркий католик, такой, который может без запинки назвать имена всех святых мучеников. Я была от него без ума.

Мне нравится думать о жизни как об огромном, бескрайнем пазле с таким количеством деталей, что, независимо от того, сколько раз ты их соединишь, эта картина все равно никогда не будет сложена. Встреча с Патриком была кульминацией ста тысяч альтернатив. К нему вела лишь одна дорожка, но именно ее я в конечном счете и выбрала. Независимо от того, чем все это закончилось, я сделала свой выбор в пользу Патрика – и, хотя всегда считала, что никогда не буду тратить время на пустые сожаления о нашем романе, сейчас казалось, что подобные чувства начинают шевелиться в душе.

Я думала, что знала, каково это – любовь с привлекательным парнем, который великолепно целуется. Думала, что знала, ради чего был этот трехлетний роман, длившийся все время обучения в колледже, ради чего я хранила верность, даже когда все мои друзья трахались как кролики, отбросив целомудрие. Любовь терпелива, любовь добра, не так ли? Любовь прощает все?

Именно в это я тогда и верила. Но теперь не была такой убежденной сторонницей подобных взглядов.

В наш выпускной год Патрик опустил на одно колено и сделал мне предложение, держа достойное принцессы кольцо с бриллиантом в одной руке и букет из дюжины красных роз – в другой. Мы назначили дату. Мы планировали свадьбу.

И за две недели до того, как мы должны были проследовать к алтарю в церкви моего отца, я узнала, что Патрик мне лгал – все это время.

Конечно, меня воспитывали без старомодных моралей, но тогда я без колебаний разорвала эти дурацкие отношения.

Прошла неделя. Я слышала звук голосов, когда проходила мимо квартиры Алекса, и видела, как приезжает и уезжает его машина, но с ним самим не сталкивалась. Мне пришлось смотреть «Гордость и предубеждение» в одиночестве, и я почему-то винила в этом Патрика.

Неделя перед Рождеством обычно слишком хлопотная для большинства людей, даже для тех, кто не отмечает праздник, и мой список важных неотложных дел оказался таким же длинным, как у остальных. Я не нарядила елку, зато купила подарки. Потом провела целый день с папой и его семьей, хотя мои братья и их жены с детьми не смогли к нам присоединиться. А еще умудрилась нахватать срочных дизайнерских заказов в виде постпраздничных рекламных кампаний и нескольких портретных фотосессий людей, желавших отослать свои снимки вместе с рождественскими подарками друзьям и родственникам.

У маленькой девочки в видеокамере моей комнаты не было крыльев, но она казалась настоящим ангелочком. Четыре года, копна черных кудряшек, капризно надутые губки цвета

свежего бутона розы и сложенные на коленях ручки. Крошечная, озорная версия Ширли Темпл¹², включая платице с бантом на талии.

– Нет! Нет, нет, нет! – Она упрямо топнула ножкой, надулась и сердито посмотрела на меня.

– Пиппа, лапочка! Улыбнись для фотографии, пожалуйста!

Пиппа взглянула на своего папочку Стивена и снова топнула ножкой.

– Мне не нравится это платье! И эта лента на голове!

Упрямица сорвала бант со своих волос и бросила на пол, а потом, чтобы красноречиво продемонстрировать нам всю силу своей ненависти, наступила на него туфельками из лакированной кожи.

– Это ты во всем виновата, – огорошил меня другой папа Пиппы, Девон.

Я удивленно подняла бровь:

– Ну и дела! Спасибо...

Девон рассмеялся, когда Стивен поднял бант и попытался спасти внешний вид дочери.

– Она упряма, только и всего. Многим напоминает тебя.

– Пиппа, принцесса, ну пожалуйста...

– О, и причины такого поведения не имеют ничего общего с тем, что папочки совсем ее избаловали? – пробормотала я, сосредоточив внимание на сцене, которая разыгрывалась прямо передо мной. Фокус, вспышка, щелчок... Одним нажатием пальца я запечатлела борьбу между отцом и ребенком.

– Не снимай это! – потребовал Стивен.

Пиппа, смеясь, ускользнула от его хватки и побежала по студии. Каблучки ее туфель глухо стучали по старым деревянным доскам пола, и это был воистину ритм свободы. Она бежала быстро, эта маленькая девочка. Точно так же, как всегда носилась в ее возрасте я.

Девон рассмеялся и откинулся на своем стуле, покачивая головой. Я делала снимок за снимком. Бегущая Пиппа. Стивен, подхвативший дочь так, что она повисла вверх тормашками. Красивое платице Пиппы задралось, демонстрируя веселенькие детские трусики, а упругие кудряшки заметались по полу. Потом отец и дочь крепко прижались друг к другу. И наконец, я сфотографировала уже двух папочек с их маленькой девочкой: любовь, связывавшая эту троицу, была явной, осязаемой вещью, которую я не могла проконтролировать или отредактировать – лишь запечатлеть своей камерой.

– Пиппа, сделай это для папочки, – уговаривал Стивен. – Мне нужна твоя красивая фотография, я хочу отправить ее бабуле и дедуле.

Губки цвета розового бутона снова сжались, маленькие красивые бровки нахмурились, но Пиппа, наконец, тяжело вздохнула, совсем как крошечная старушка:

– Ох, ну ладно. Хорошо.

Стивен поставил дочь на перевернутый деревянный ящик, привел в порядок ее волосы и платье, а потом сделал шаг назад. Я поймала свою модель в объектив и сделала снимок. Превосходно. Но, стоило мне повернуть камеру, чтобы показать цифровое изображение Девону, как я тут же поняла: этот снимок был не самым удачным, не тем, который стоит корректировать, обрабатывать и отдавать клиентам, чтобы они повесили на стену.

Маленькие ручки обвили мои колени, и я взглянула на поднятое вверх личико.

– Дай посмотреть, Ливия! Дай посмотреть картинку!

Я опустила на колени перед девчушкой и показала ей фото на экране фотокамеры. Пиппа нахмурилась:

– Мне не нравится!

¹² Темпл Ширли – американская актриса, прославившаяся своими детскими ролями в 1930-е годы.

– Тсс... – заговорщически зашептала я. – Не говори об этом своему папе, а то он заставит тебя сидеть здесь ради нового снимка.

Даже в свои четыре Пиппа была достаточно смышленной, чтобы понять: ее лучшее оружие – улыбка. Девчушка захихикала, и я последовала ее примеру. Когда Пиппа обняла меня, и ее маленькая, мягкая щечка прижалась у моей, я уловила ароматы детского шампуня и смягчающего кондиционера для ткани.

– Почему бы тебе не поиграть с кукольным домиком? – предложила я Пиппе. – Разреши мне показать эти картинки твоим папам.

– Но я тоже хочу смотреть картинки!

– Ты обязательно все посмотришь, – пообещала я, зная, что шалуныя будет настаивать на своем, и все-таки не желая потакать каждой ее прихоти, подобно двум любящим папам. – Но сначала я должна перенести снимки в свой компьютер. Поиграй пока.

– Она тебя слушается, – констатировал Стивен с измученным вздохом, когда Пиппа вприпрыжку побежала в угол, где я поставила свой старый кукольный домик. – Слава богу.

Пожав плечами, я аккуратно вытащила карту памяти из задней части фотокамеры. Я отнесла ее к длинному, выдавшему виды столу, который использовала вместо оборудованного рабочего места, и впахнула в кардридер, присоединенный сзади к моему макбуку. Моя программа для обработки фотографий открылась, демонстрируя ряды снимков, которые я сделала. Стивен и Девон подтащили свои стулья к столу и уселись по обе стороны от меня.

– Посмотри-ка на это, – сказал Стивен, показывая на три фотографии. – Великолпно, Лив. Просто изумительно.

Мои щеки залились румянцем от гордости.

– Спасибо.

Нет, серьезно! Ты только посмотри на это! – Девон ткнул пальцем в один из снимков Пиппы. Ее фигурка освещалась лучами, струящимися из находящегося сзади большого, высокого окна, девочка кружилась, и ее платице легко разлеталось вокруг коленей. – И как только тебе удастся так фотографировать?

– Практика. Талант. – Я кликнула на снимок, чтобы увеличить его, и принялась менять некоторые настройки, чтобы выделить контраст света и тени. – По большей части практика.

– Фотографировать может каждый. Но то, что делаешь ты, – искусство. Настоящее искусство. – В голосе Девона звучал благоговейный трепет. Отвернувшись от монитора, он посмотрел на меня. – Представляешь, а она рисует. Пиппа рисует. Педиатр говорит, что дети ее возраста могут только калякать что-то невразумительное, а она уже рисует целые фигуры.

– А я не рисую, – мягко отозвалась я и снова сосредоточила внимание на работе.

– Да я просто рассказываю, – тихо ответил Девон.

Мы еще какое-то время рассматривали фотографии, мои приятели выбрали те, что понравились больше всего, а потом я обработала эти снимки, убрав все недостатки. Я сделала диск для Девона и Стивена, записав туда как подкорректированные фотографии, так и необработанные – на тот случай, если они вдруг понадобятся. Просматривая снимки, я задержалась на изображении Пиппы на фоне окна.

– Я могу использовать эту фотографию для своего портфолио?

– Разумеется. Без проблем! – Девон взял диск и убрал его в сумку, пока Стивен направился к их дочери.

– Спасибо.

Я решила, что напечатаю снимок позже. Снова задержав взгляд на изображении девочки, только на миг, я легким кликом закрыла фотографию, вытащила карту памяти из устройства и снова вставила ее в свою камеру.

– Знаешь, Лив... – Девон немного помедлил, подождав, пока я не посмотрела на него, а потом бросил взгляд в дальний угол студии. – Ты ведь знаешь, что всегда будешь желан-

ной гостьей, в любое время, когда захочешь навестить ее. Заглядывай почаще, мы хотим видеться, не только когда приезжаем сюда ради фотографий или приглашаем тебя к себе. Мы ведь уже договаривались об этом, помнишь? О том, что мы будем очень рады, если ты станешь частью ее жизни.

Я проследила за пристальным взглядом Девона. Неутомимая Пиппа передвинула всю мебель в кукольном домике, поместив кровати в гостиную, а плиту – на чердак. Девочка захихикала, когда Стивен взял одну из кукол и изобразил, будто та разговаривает с другой игрушкой.

– Я понимаю. Спасибо.

Девонем двигали благие намерения, но как я могла признаться ему, что совсем не горю желанием приезжать в их дом, чтобы наблюдать, как они растят моего ребенка? Нет, я, конечно, ценила то, что оставалась частью жизни Пиппы, но разве я ожидала или хотела чего-то большего, чем уже имела? Она была моим ребенком, но я не была ее матерью.

– Еще раз спасибо за фотографии. – Стивен положил чек на мой стол.

Я не стала тут же забирать этот чек. Стивен снова выписал его на слишком большую сумму, а мне не хотелось показаться невежливой, затеяв с ним спор о цене. Я любила фотографировать, но одновременно мне нравилось платить по своим счетам. Кроме того, забирая его деньги, я знала: это не одолжение, а плата за работу. Думаю, мы оба предпочитали так думать.

– Ливви, ты приедешь на вечеринку в мой день рождения? Это будет красивый праздник, как у принцессы! – так и крутилась рядом Пиппа. – А еще у меня будет пиньята!¹³

Я рассмеялась и накрутила на палец один из ее длинных, шелковистых локонов.

– Красивый, как у принцессы, праздник с пиньятой для Пиппы! Это просто здорово!

Девчушка запрокинула голову, чтобы посмотреть на меня, и зажмурилась от восторга.

– Да! И все мои друзья приедут!

– Тогда, полагаю, мне тоже следует тебя навестить. Я ведь твой друг.

Пиппа на мгновение крепко обняла меня за бедра, но в следующую секунду уже снова принялась скакать вокруг.

– Да, да, ты приедешь на мою вечеринку-у-у-у-у! И принесешь подарок!

– Пиппа! – сердито одернул Стивен.

Девон тихо засмеялся и посмотрел мне в глаза. Думаю, он понимал меня гораздо лучше, чем его спутник жизни. Стивен подошел поближе и застыл, нерешительно топчась на месте, потом тоже взглянул на меня. Он ничего не говорил, но и слова-то были сейчас не нужны. Я могла представить, что он чувствует. Мне ничего не оставалось, как посторониться и молча наблюдать за Пиппой, которая продолжала вертеться, уже болтая со своими папами о том, что она хочет съесть на ужин и посмотреть по телевизору, когда они вернутся домой.

– Пойду усажу Пиппу в машину. Нужно пристегнуть ее ремнем на сиденье. Девон? – Стивен взял пальто Пиппы, совершенно непрактичное, белое, с меховым воротником. – Ты идешь?

– Ага. Прямо сейчас, секундочку.

Девон подождал, пока не стихнет отдававшийся эхом по железной лестнице стук ботинок Стивена и кожаных лакированных туфель Пиппы. Потом натянул свое собственное пальто, из мягкой коричневой кожи, которое доходило ему до середины бедра и носилось под пояс. Что-то в том, как Девон повернул голову, подвязывая пояс, привлекло мое внимание, и я тут же схватилась за камеру, чтобы сделать снимок.

¹³ Пиньята – крупная фигура животного из папье-маше или бумаги, набитая сладостями, которую подвешивают к потолку во время праздника. Одному из присутствующих детей завязывают глаза и дают палку, чтобы разбить пиньяту.

Фотография вышла размытой, но я тут же щелкнула Девона снова, когда он взглянул на меня с застенчивой улыбкой. Не могу сказать точно, что заставило меня броситься его фотографировать – это было нечто неуловимое, то, что не выразишь словами.

– Посмотри-ка назад, вот так.

Увы, не стоило и стараться, момент уже был упущен. Я нажала на кнопку камеры, чтобы разглядеть получившийся не в фокусе снимок, и принялась размышлять, как же его «вытянуть». Девон бросил взгляд мне через плечо и засмеялся.

Я подняла на него глаза:

– Видишь? Это требует практики.

– И таланта, – подхватил он.

Девон был высоким, крупным мужчиной с кожей цвета темной карамели. Он брил голову и носил аккуратно подстриженную козлиную бородку. Каждый раз, когда Девон нагибался, я ожидала услышать треск рвущейся ткани, потому что его рубашки вечно лопались по швам. А еще он был одним из самых нежных и добрых мужчин, которых я когда-либо встречала.

– Тебе стоит еще раз приехать и позволить мне сделать твою фотографию. Только твою.

Девон вскинул бровь.

– Угу!

Я легонько ударила его по руке.

– Мне нравится делать портреты, когда я не работаю на «Фото Фолкс». Во всяком случае, это дало бы мне материал для своего портфолио.

– Посмотрим. – Он пригладил воротник пальто. – Я действительно не шутил, когда говорил с тобой, Лив.

– О моих визитах? Знаю. – Я снова вскинула вверх свою камеру, создав что-то вроде барьера между нами. Мне не хотелось разочаровывать Девона, и я отлично представляла себе, что сделала бы это, сказав правду. Он не понял бы моих чувств к его дочери. Кажется, этого никто не смог бы понять.

– Просто... мы – семья, ясно? Все мы. Я потерял своих родителей много лет назад, а моя сестра со мной не разговаривает. – Девон не стал упоминать причину этого отчуждения, хотя все и так было понятно: это произошло, потому что он был геем. – Семья очень важна. И я не хочу, чтобы ты думала, будто мы не поддержали бы твое желание быть частью жизни Пиппы.

Я кивнула:

– Я знаю, Девон.

– Счастливого Рождества, Лив!

– Спасибо. И тебе того же.

Он нежно коснулся моего плеча и ушел, закрыв за собой дверь. Я же откинулась на своем стуле и открыла папку с фотографиями, которые сделала сегодня.

Семья Девона отказалась от него, в ту пору ему было семнадцать. Это произошло, когда родные узнали, что Девон – гей, ему так и не удалось помириться с родителями до их смерти. Он создал свою собственную семью, собрав вокруг себя многочисленных друзей, чтобы любить и получать любовь взамен.

Пиппа была моим ребенком, но не моей дочерью. Стивен попросил, чтобы меня не указывали в документах в качестве матери Пиппы, и настоял на том, чтобы я отказалась от всех родительских прав после ее рождения. У меня возражений не было. Как-то не подумалось, что любовь Девона к семье настолько все усложнит.

Я бросила взгляд на фотографии маленькой девочки и ее родителей, ее настоящих, истинных родителей. Она была похожа на меня, даже иногда вела себя точно так же, и я

радовалась тому, что вижу ее. Но я не была матерью Пиппы – и никогда не стала бы ею. В последний раз посмотрев на снимки, я закрыла папку.

Глава 5

Я не взяла с собой снимок Пиппы, когда отправилась в гости к отцу на Рождество. Мы никогда не говорили о ней, даже не упоминали о моей беременности, которая оказалась неожиданной и определенно нежеланной для большинства людей в моей жизни. Вместо фотографии я прихватила сумки, полные подарков для детей Синди и Стейси, – а их было, если не ошибаюсь, по четверо у каждой, я давно перестала отслеживать количество своих племянниц и племянников.

У нас был грандиозный ужин с окороком. Мы открыли подарки. Позвонили оба моих брата, и я поговорила с ними. Пропустив мимо ушей вопросы о личной жизни, я похвасталась своей работой – не в «Фото Фолкс», конечно, не снимками школьников и спортивных команд, а рекламными проспектами и плакатами, которые создала для своих личных клиентов. Я расслабилась и наслаждалась обществом близких, надеясь, что они тоже радовались общению со мной.

Я отклонила предложение остаться на ночь и полтора часа ехала до дома, пока мой айпод развлекал меня всем, что только в нем нашлось, – кроме рождественского гимна. В итоге я остановила машину рядом с автомобилем Алекса на моей парковке уже после полуночи.

Прошло уже больше недели с тех пор, как я видела своего соседа и говорила с ним, и я подумала о том, что нужно постучать в его дверь, когда буду проходить мимо. Не то чтобы Алексу требовалось отчитываться передо мной или что-то в этом роде... Фактически до тех пор пока плата за проживание вносилась вовремя, нам было совсем не обязательно пересекаться друг с другом. Но мы ведь общались прежде, и сейчас я скучала по нашим вечерам. Бросив взгляд в сторону его квартиры, я увидела полоску света под дверью. Глубоко вздохнув, я все же решила постучать. Он не ответил, и моя храбрость тут же улетучилась. Отказавшись от мысли постучать снова, я поднялась по лестнице наверх и уже входила в свою квартиру, когда услышала его голос:

– Оливия?

Лучшая часть катания на лыжах – это самый первый момент, когда ты смотришь вниз с горы. Готовишься оттолкнуться. Разогнаться и устремиться вниз. Полететь. Нечто подобное я ощутила и сейчас.

– Привет, Алекс. Счастливого Рождества!

На нем были джинсы и расстегнутая рубашка с длинными рукавами, открывавшая голый торс. Взъерошенные волосы торчали во все стороны, а одна щека выглядела помятой.

– Счастливого Рождества! Я слышал, как ты пришла.

– Я тебя разбудила? Мне очень жаль.

– Нет, все в порядке. Я находился в построжественном ступоре после плотного ужина.

– Хочешь... войти? – Я открыла дверь пошире.

– Уже поздно, не беспокойся. Я просто хотел отдать тебе это. – Алекс протянул маленькую коробку, обернутую в серебристую бумагу, на которой красовался строгий синий бант.

Я взглянула на коробку, потом подняла глаза на него:

– Ты приготовил для меня подарок?

– Конечно. В это время года подарки как никогда уместны.

– Но у меня ничего для тебя нет.

– Ничего страшного. Просто открой.

– Хорошо, тогда заходи. – Я посторонилась, и Алекс переступил через порог, но так и застыл в дверном проеме.

Коробочка была обернута так, что я могла просто поднять крышку, не срывая бумагу. Внутри, удобно свернувшись на мягком ложе из прелестной ткани, лежал браслет из подделочных камней.

– Как красиво!

– Я рад, что тебе понравилось. Я знаю, это не слишком...

– У меня нет для тебя подарка, – напомнила я. – Браслет очень милый! Право слово, не стоило, Алекс. В самом деле. Но – спасибо.

– Я просто хотел тебе что-нибудь подарить, – сказал он. – Доказать, что я – не полный кретин.

Удивленная, я не удержалась от смеха:

– О боже... Я так не думаю!

– Нет?

– Конечно нет. – Я немного помедлила. – А должна?

Нахмурившись, Алекс внимательно посмотрел на меня.

– Я просто подумал... Ладно, не важно.

– Подумал – о чем?

Он махнул рукой:

– Ни о чем. Правда.

Я хотела надавить на него, настоять на объяснении, но не стала этого делать. Приложив браслет к своему запястью, я приподняла руку и принялась покачивать ею из стороны в сторону, восхищаясь камнями.

– Большое тебе спасибо.

Ни один из нас не двинулся с места. Я подняла большую сумку, полную оставшейся от ужина еды, которую Марджори упаковала для меня.

– Ты не голоден?

Алекс положил руку себе на живот:

– Вау! Мм... нет. Не думаю, что когда-нибудь снова почувствую голод.

Я рассмеялась:

– Завтра передумаешь.

Его губы медленно растянулись в ответной улыбке.

– О да! Уверен, завтра я обязательно захочу поесть.

– Что ж, все понятно. – Мы снова застыли на месте, Алекс по-прежнему не заходил в глубь квартиры, оставаясь в дверном проеме.

– Мне точно не удастся убедить тебя взять кусочек рождественского окорока?

– Хм... а я сегодня окорок так и не поел. У нас было нечто, именуемое «турдакен»¹⁴, можешь себе представить...

– И ты это ел? – снова рассмеялась я. – Ничего себе! Патрик всегда говорил, что хотел приготовить что-то в этом роде на Рождество.

– Ну... да, – отозвался Алекс. – Он пригласил меня к себе.

Я не могла придумать, что на это ответить, только промямлила:

– Никогда это не ела.

– Тебе стоит попробовать. Что ж, мне пора спать. Увидимся, Оливия. Счастливого Рождества.

– Еще раз спасибо за браслет.

– Не стоит благодарности. – Уже уходя, он обернулся через плечо и улыбнулся мне.

¹⁴ Турдакен – причудливое блюдо, представляющее собой индейку, фаршированную уткой, которая, в свою очередь, фарширована курицей.

Я закрыла за Алексом дверь и прислонилась к ней. Так я и стояла, силясь понять, почему тот простой факт, что Патрик пригласил его к себе на Рождество, имел для меня такое большое значение.

Если феерия Патрика по случаю Рождества и Хануки одновременно была вакханалией еды, музыки и драмы, его новогодний праздничный вечер оказался намного тише. Здесь все еще было в изобилии еды и музыки, но список гостей на этот раз оказался значительно скромнее. Присутствовали сестра Тедди, Сьюзен, со своим тинейджером-сыном Джейдемом, обитавшие по соседству Надя и Карлос, а еще несколько друзей Тедди и Патрика, которых я встречала, но не слишком хорошо знала. Да, еще брат Патрика, Шон. Я, наконец.

И разумеется, Алекс Кеннеди.

Он вошел в дом с черного хода, нагруженный свертками в серебристой бумаге с синими бантиками. Я обернулась, подняв глаза от столешницы, где резала сыр и раскладывала новую порцию крекеров. От неожиданности мое сердце глупо подпрыгнуло в груди.

– Алекс!

– Ах, Оливия... – Он улыбнулся, сверкнув белыми зубами, которые никогда не видели фигурных скобок. Я готова была держать пари, что так и было: эти зубы не выглядели совершенными, хотя небольшой изъясн прикуса казался даже милым. – С Новым годом!

Алекс перехватил мой взгляд, скользнувший по сверткам в его руках.

– Патрик сказал, что вы обмениваетесь новогодними подарками.

Мы действительно дарили друг другу презенты. Обычно это были небольшие сувениры. Ни один из тщательно завернутых и явно продуманных подарков в руках Алекса не был маленьким.

Я успела подхватить один из свертков, который грозил вот-вот упасть.

– Позволь мне помочь.

– Спасибо.

Мы свалили гору подарков на стол. Я искоса посмотрела на Алекса. Мне было привычно, что мужчины в доме Патрика замечательно выглядели и приятно пахли. Если честно, их облик основательно избаловал меня, составив впечатление, как следует выглядеть всем мужчинам. Сегодня вечером на Алексе были стильные, немного выцветшие джинсы и черная приталенная футболка под тяжелой курткой-бушлатом, которую он снял и небрежно бросил на стул. Когда Алекс выпрямился, поставив свои пакеты, длинные волосы упали ему на глаза. Я не хотела рассматривать его, но не могла оторваться.

Ужин был простым, без изысков, но вкусным, и беседа текла плавно, как вино. Я сидела рядом с Шоном, напротив Патрика, Алекс оказался на другом конце стола. Вероятно, сегодня я была просто не расположена к разговорам и хотела оставить это другим. Или, может быть, это особое время года делало меня молчаливой и созерцательной. Так или иначе, но лишь тогда, когда Патрик коснулся руки Тедди, я осознала: меня охватило большее, чем обычная праздничная хандра.

В этом прикосновении не было ничего сексуального. Ничего из того, что я видела в избытке в те дни, когда только открывший в себе склонность к нетрадиционной ориентации Патрик перетрахал полгорода – не проявляя достаточно такта или стыда, чтобы не посвящать в свои подвиги меня. Патрик дотронулся до руки своего любовника иначе – просто сжал ее на мгновение, спокойно и нежно.

Мои глаза горели. Шон рядом со мной наклонился, чтобы сказать что-то сестре Тедди, которая сидела по другую сторону от меня. Все смеялись над чем-то, что я упустила, пока боролась с неожиданно накатившей ревностью. Когда я мельком посмотрела на другой конец стола, Алекс встретился со мной взглядом.

В этом пристальном взоре я разглядела целую смесь эмоций, большинство из которых сильно напоминали форму жалости. Это больно ранило. Делало беззащитной.

Сочувствие задержалось на лице Алекса всего на несколько секунд, а потом он тоже стал смеяться, тактично игнорируя меня и мое бедственное состояние. Я же, вместо того чтобы чувствовать благодарность за это сострадание, отчаянно захотела проткнуть его вилок. Такой человек, как Алекс Кеннеди, который бесстрастно выслушал на праздничной вечеринке «караочный» гимн в свою честь, а потом позволил «певцу» ублажать себя на веранде, не имел права судить меня.

– Итак, Лив, – сказал Шон, оборачиваясь ко мне, – чем ты занималась в последнее время?

– Да, Лив! Расскажи-ка всем, что ты поддельвала!

Внезапно оказавшись в центре внимания всего стола, я от души пожалела, что мой рот не забит пищей – и это означало, что мне придется объясняться, наполнив его словами.

– О... я открыла свою собственную студию.

– Звукозаписывающую? – тут же подорвался Джейден, который мог любому надрать задницу в популярной компьютерной гитарной игре.

Нет, фотостудию. Это имеет отношение к рекламному бизнесу. Графический дизайн для местных компаний. Буклеты, веб-сайты и все в таком духе. Я снимаю для работы, вместо того чтобы пользоваться снимками из фотобанков.

– Но некоторые из твоих снимков попадают в эти фотобанки, не так ли? – В тоне Патрика звучала неподдельная гордость, а я совсем не возражала против небольшого одобрения.

– В принципе почти каждый может загрузить снимки в фотобанк, но – да. Некоторые мои работы оказались очень успешными, – признала я. Мне действительно удавалось зарабатывать немало денег, продавая права на некоторые свои фотографии. Так оказалось выгоднее, чем использовать снимки эксклюзивно в своей работе. Это не было искусством. Просто бизнес.

– Не слушайте ее. Она – прекрасный фотограф. Некоторые из ее пейзажей висят в гостиной, – продолжал нахваливать Патрик.

– Так это снимала ты? – Шон выглядел впечатленным. Он склонился чуть ближе. – Круто!

Я пыталась понять, почему это казалось такой неожиданностью – в конце концов, я почти вышла замуж за брата Шона. Но он удивлялся так, словно никогда не встречал меня прежде. Впрочем, когда-то фотокамера в моих руках означала лишь хобби. Сейчас это была работа. Уловив аромат туалетной воды Шона, я вдруг подумала, что, возможно, его внимание объясняется иначе: просто сейчас он решил проявить ко мне больше типично мужского интереса, чем в старые времена. Я незаметно потянула носом. Шон пах совсем не так, как Патрик, но все равно это был приятный и мужской аромат. Его колено под столом уже в который раз поглаживало мое – и, подозреваю, это прикосновение не было случайным.

Я оказалась так близко к Шону, что могла разглядеть белые крапинки в его голубых глазах, точно таких же, как у Патрика. Подобно брату, у Шона были густые белокурые волосы и немного изогнутый рот. И, точно так же, как его брата, Шона отличали широкие плечи, узкая талия и плоский-плоский живот, который так и манил каждую женщину «нормальной» ориентации с намеком на либидо прильнуть к нему губами.

Но в отличие от своего брата Шон Майкл Макдональд не был геем.

– Да. Это фотографировала я.

Беседа продолжилась, но я едва ли могла вспомнить, о чем мы говорили. Я уже не смотрела на Шона. Мне и не требовалось этого делать. Я слишком хорошо чувствовала его присутствие.

После ужина настало время открывать подарки и пить еще больше вина. Я следила, чтобы мой бокал был полным, но главным образом притворялась, что отпиваю по глоточку. Алкоголь никогда не стоит смешивать с жалостью к себе, особенно в канун Нового года в доме бывшего любовника, куда тебя занесло отнюдь не ради свидания.

Главное правило для подарков казалось простым: им следовало быть маленькими. Сделанными вручную или недорогими. Ничего излишне причудливого, и каждый должен был принести что-нибудь дополнительно для общей сумки обмена случайными сюрпризами. Мне досталась великолепная пара новых мягких перчаток для вождения – более чем справедливый обмен, ведь я положила в корзину подарков, которые раздавались гостям, подарочную карту на услуги бензозаправки. Разумеется, были и личные подарки, здесь мне тоже удалось преуспеть и получить немало полезного, но самым большим удовольствием было наблюдать за лицами Тедди и Патрика в тот момент, когда они открыли мой презент.

– Лив, это... потрясающе. – Тедди погладил гладкую рамку из красного дерева. – Красиво. Правда.

– Когда же ты это сняла? – тихо, с нежностью спросил Патрик.

– Летом.

Помнится, мы отправились в местный парк на пикник и слушали группу, игравшую на набережной. Мне удалось запечатлеть их двоих, сидящих на фоне реки, они смотрели друг другу в глаза и почти соприкасались губами. Собирались слиться в поцелуе.

Они не замечали меня в тот момент, и, скрывшись за своей камерой, я думала о том, что не должна чувствовать себя третьей лишней. Теперь же я не могла сдержать ощущения, что именно так тогда и было. По соседству со мной заерзал Шон, и вскоре его бедро вновь коснулось моего. Сзади я ощутила теплоту его руки, осторожно ползущей вдоль дивана. Волосы, спадавшие у моей шеи, приподнялись.

Алекс внимательно наблюдал за мной.

Я заставила себя сосредоточить внимание на Патрике.

– Надеюсь, тебе понравился мой подарок.

– Я просто в восторге, – отозвался он. – Слушай, Тедди, это идеально туда впишется.

Пока они обсуждали, куда лучше повесить фотографию, кончик пальца Шона щекотал мою шею сзади. Я вздрогнула. Он наклонился ближе и зашептал мне в ухо:

– Холодно?

Я повернулась к нему, немного отстранившись:

– Чуть-чуть.

– Возможно, тебе нужно надеть свитер или что-нибудь в этом роде.

Когда были открыты другие подарки, комната наполнилась звенящим смехом. Патрику определенно уже было не до нас. В прошлом нередко бывало так, что все вокруг меня исчезало, кроме звука голоса Патрика, его лица. Сейчас почти тот же самый голос что-то шептал совсем рядом. На меня смотрели почти те же глаза.

Оставалось еще мгновение, когда все это, возможно, приняло бы совсем другой оборот. Если бы Шон не заерзал на диване, чтобы снова прижать свое бедро к моему уже более откровенно и сексуально, чем когда-либо делал Патрик... Если бы я могла быть сейчас на свидании, как и планировала... или если бы это не был канун Нового года и я все еще не любила бы одного мужчину, который уже никогда не станет моим...

– На самом деле я собираюсь принести что-нибудь выпить.

– Хочешь, чтобы я составил тебе компанию? – Губы Шона растянулись в легкой, насмешливой улыбке, которая наверняка сразила бы меня на повал, не напоминай она так сильно улыбку его брата.

– Нет. Я скоро вернусь. – Моя собственная решительная, не оставлявшая шансов для компромисса улыбка наконец-то отвратила Шона от дальнейших ухаживаний, потому что я сбежала на кухню, обойдясь без навязчивого следования по пятам.

По правде говоря, мне не хотелось пить. Просто нужно было немного побыть на свежем воздухе, чтобы проветриться и привести мысли в порядок. Я совершенно не собиралась поддаваться тоске – не сегодня вечером, вообще никогда. Нет, этого больше не будет. Со мной все в порядке. Точно.

Я и была в порядке – ровно до того момента, пока не влезла в свое пальто и не обнаружила в кармане маленький, обернутый бумагой сверток. Это был еще один подарок, который я хотела отдать Патрику, когда мы останемся наедине, не на глазах у всех. Я купила другу большую пуговицу с изображением острого ножа из его любимого комикса, «Кавай Нот». Патрик «подсадил» меня на странные, пронизанные нездоровым чувством юмора картинки, и это была та вещь, которая по-прежнему связывала нас, увлечение, которое он не разделял ни с кем другим. Я обернула пуговицу неброской, «поликонфессиональной», без рождественского орнамента бумагой и небрежно нацарапала на ней его имя. Я хотела убедить, да, черт побери, убедить Патрика в том, что этот подарок был случайным и небрежным. Купленным впопыхах. Ничего не значащим.

Но, нащупав в кармане круглые края пуговицы сквозь слой дешевой бумаги, я поняла, что была единственной, кто способен понять: этот подарок был важным, серьезным, значимым.

К тому моменту, когда я вылетела из задней двери и понеслась вниз по ступенькам крыльца, сдерживать слезы было уже невозможно. Глаза застилало пеленой, слезы застывали на моих щеках. Лицо горело, я летела не разбирая дороги, то и дело спотыкаясь. Морозный воздух, который я судорожно, вымученно глотала ртом, обжег мои легкие. Я пробежала вниз по дорожке мимо гаража и, не в силах больше сдерживаться, разразилась неистовыми, отвратительными рыданиями. Я остановилась, опершись рукой о холодное дерево, чтобы смахнуть слезы с глаз...

– Да что за черт! – в ярости заорала я, когда обнаружила, что нахожусь здесь не одна. – Ты-то откуда тут взялся?

Под навесом гаражной крыши, зябко кутаясь, стоял Алекс. Он было наклонился, но, заметив меня, тут же выпрямился. В руке у него была незажженная сигарета.

– Вышел прогуляться перед домом. Оливия? С тобой все в порядке?

– А что, похоже, что со мной все в порядке? – Разумеется, я хотела ответить ему спокойно, но слова яростно, стремительно сорвались с губ, перемежаясь рыданиями. Яхватила кулаком по стене гаража. – Нет! Я не в порядке!

Закрыв лицо руками, я зарыдала прямо в перчатки. Громкие звуки, вырывавшиеся из моего горла, напоминали ржавые шестеренки, которые будут лязгать друг о друга до тех пор, пока весь механизм не сломается и не остановится. И вдруг я почувствовала твердую руку на своем плече и еще более твердую грудь у своей щеки. Я и не осознавала, что Алекс был таким высоким – моя голова едва доходила ему до подбородка. От куртки моего утешителя доносился приятный аромат. Его свободная от сигареты рука поглаживала меня по спине.

Я – всеми руками за равенство полов и все такое прочее, но, держу пари, найдется совсем немного женщин, которые были бы в состоянии сопротивляться тому очарованию поддержки, которую предложил мне Алекс. Сильные руки, мужественная грудь. Я не нуждалась в словах утешения или совете. Мне даже не хотелось объяснять ему, что произошло, – я просто хотела, чтобы эта томительная, невыносимая тоска прошла. Когда я, наконец, отпрянула от Алекса, рыдания прекратились, но мне едва ли стало хоть немного лучше.

– Это – самое замечательное время года, черт возьми. – Алекс сжал сигарету губами. – Время праздников – дерьмовее не придумаешь!

Я засунула руки в карманы.

– Ага.

Он кивнул в ответ. Только и всего. Никаких объяснений. Никаких заверений, что все будет хорошо и прочей фигни.

Я внимательно изучала его лицо. В свете уличного фонаря его глаза казались темнее, а кожа – бледнее. Я смотрела, как он прикоснулся губами к кончику сигареты, потом вынул ее изо рта и медленно глотнул холодный воздух.

– Так ты здесь куришь? Или нет?

– Нет, – ответил он. – Я бросил.

– Так какого черта ты тут д-д-делаешь? – с трудом произнесла я, стуча зубами. – Достал уже этот холод!

– А... старая привычка. Видишь ли, когда ты куришь, у тебя всегда найдется оправдание, чтобы улизнуть, когда тебе этого захочется.

– Буду иметь это в виду. – Я принялась растирать свое лицо не только для того, чтобы смахнуть слезы, но и пытаюсь хоть немного согреться. – Определенно мне следовало принять приглашение парня, с которым я познакомилась в кафе. Он хотел пригласить меня от души поразвлечься в отеле «Херши». Стандартная программа – ужин и танцы под живую музыку. Уверена, там в моем распоряжении оказалось бы много шоколада и парень, которого можно поцеловать в новогоднюю полночь. Знаешь ли ты, сколько лет прошло с тех пор, как у меня было свидание с поцелуем в полночь?

– Не может быть, чтобы слишком много.

Мой смех прозвучал еле слышно, и в нем почувствовался скрежет ржавых шестеренок, уже знакомый по недавним рыданиям.

– Вот именно – слишком много. И вовсе не потому, что мне этого не предлагали!

– Нисколько в этом не сомневаюсь.

Это казалось нереальным. Все, буквально все вокруг. Ночь, разговор. Стоявший передо мной мужчина, который снова поднес сигарету к губам, и теперь она свисала с уголка его рта.

– У меня нет вечернего платья, но я отказалась от свидания не из-за этого.

С легкой улыбкой внимая этой нелепой болтовне, Алекс пристально смотрел на меня.

– Ну же, не стесняйся и спроси меня, почему я отвергла ночь в отеле «Херши» и предпочла прийти сюда?

– О, я знаю почему, – сказал Алекс.

Мои плечи резко, потерянно упали. Я в растерянности моргнула покрасневшими, опухшими глазами.

– Ты знаешь?

– Ты любишь его.

Если что-нибудь и могло заставить меня плакать той ночью, так это те три слова, что так легко, прозаично слетели с его уст. Может быть, я снова разразилась бы рыданиями, если бы уже не выплакала все слезы. И не застыла бы на месте от холода. Все, что я могла сделать, – это лишь покачать головой и судорожно выдохнуть, выпустив изо рта длинную струйку пара.

С улицы вдруг донесся оглушительный треск фейерверка. Тут же принялся звонить церковный колокол. Слезы снова хлынули из глаз, и у меня перехватило дыхание.

– Черт возьми! – сдавленно прошептала я. – Полночь...

– Счастливого Нового года, – отозвался Алекс.

И, отбросив сигарету, он притянул меня в свои объятия и поцеловал.

Глава 6

Его губы, теплые и мягкие, прижимались к моим секунд пять, прежде чем я сумела осознать, что происходит. К тому времени Алекс уже отпрянул от меня, пробормотав:

– А вот шоколада у меня нет. Прости.

Я отступила назад, прикрыв ладонью свой растянувшийся в улыбке рот.

– Все в порядке. Ты не должен был этого делать.

Он устремил на меня спокойный, твердый взгляд.

– А почему ты думаешь, что мне на самом деле не захотелось тебя поцеловать?

«Алексу не нравятся девушки», – зазвучал в ушах голос Патрика. Я не стала ничего объяснять, лишь ответила:

– Все хорошо, спасибо. Мне очень жаль, что я плакала у тебя на глазах, да еще и основательно загрузила своей болтовней. И уже не в первый раз. Это не лучший способ начать Новый год.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.